

Илья Калинин

СПЯЩАЯ ДУША

КНИГА II

18+

Спящие души

Илья Калинин

Спящая душа. Книга II

«Автор»

2026

Калинин И.

Спящая душа. Книга II / И. Калинин — «Автор»,
2026 — (Спящие души)

Он думал, что главная угроза кроется в интригах Академии и фанатизме Инквизиции. Он ошибался. Соединив свет созидания и первозданный мрак разрушения, Димитрий выжил, но случайно приоткрыл клетку истинного зла. Теперь неопалимый ждет своего часа, эльфийские дома готовят новую охоту на «уникальный актив», а мир медленно погружается в хаос. У него больше нет друзей, которым можно слепо доверять.

© Калинин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	35
Интерлюдия. Метиас	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Спящая душа. Книга II

Пролог

В самом сердце забытых небесных сфер, скрытый от глаз смертных и самого времени, парил Первохрам.

Это было место, не тронутое ни молитвами, ни подношениями. Голые, огромные каменные плиты, испещренные рунами, которые не понимали даже высшие маги континента. Именно здесь, на заре эпох, простая плоть впервые наполнилась чистым эфиром. Здесь шестеро обрели божественную силу, чтобы спасти мироздание. И именно здесь они не собирались все вместе с того самого дня, как победили Неузвимого и низвергли его в Бездну.

До сегодняшней ночи.

Древний каменный пол Первохрама внезапно содрогнулся. Это было не землетрясение, а глухая, вибрирующая волна неестественного холода, прошедшая по самому фундаменту мироздания. В центре пустого зала воздух на долю секунды подернулся рябью и окрасился в тошнотворный, радиоактивно-зеленый цвет Скверны.

Шесть фигур, сотканых из чистой силы, мгновенно материализовались вокруг эпицентра аномалии.

— Корни мира гниют... — прошептала Элинария, богиня жизни. Ее сияющие зеленые глаза расширились от фантомной боли. Она прижала руки к груди, словно ей самой не хватало воздуха. — Там, внизу, в мире смертных, Бездна только что коснулась реальности.

— Столкновения с культистами происходят каждый день, Элинария, — сурово отрезал Валториан, бог войны, тяжело опираясь на рукоять своего исполинского двуручного меча. Он обвел взглядом мрачные своды храма. — Но мы не стояли в этом зале тысячелетиями. То, что мы сейчас почувствовали, — это резонанс.

Валториан бросил тяжелый взгляд на Селариона. Бог магии и знаний стоял у самого края алтарного камня и смотрел вниз, сквозь эфирные облака, туда, где сияла крошечная искра Академии.

— Валториан прав, — медленно произнес Селарион. — Печать дала трещину. Клетка Неопалимого дрогнула.

Среди богов повисло тяжелое, гнетущее молчание. Одно имя изгнанного бога-отступника заставляло эфир вокруг них кристаллизироваться.

— Как это возможно? — голос Люстрады, богини закона, хлестнул, как удар плетью. — Мы заперли его! Кучка жалких смертных фанатиков не способна разрушить барьеры Бездны!

— Фанатиков — нет, — мягким, но полным тревоги голосом ответил Ауриэль, владыка света. — Но сегодня ночью в нижнем мире произошло нечто немыслимое. Смертный юноша... Сосуд. Он совершил то, что нарушает законы мироздания. Он слил воедино чистую ману Созидания и первозданную Тьму Разрушения.

— Идеальный парадокс, — кивнул Селарион. — Культисты готовили ритуал, чтобы с помощью его разорванной души открыть Врата. Юноша выжил и очистил свою тьму, но сам момент столкновения двух абсолютных противоположностей породил выброс такой силы, что она ударила по стенам темницы Неопалимого. Барьер не разрушен. Но он истончился.

Владыка чести и справедливости Джерделис медленно прошел в самый центр зала. Он опустился на одно колено и коснулся ладонью холодных древних плит.

— Мы забыли, зачем обрели здесь свою силу, — голос Джерделиса прозвучал как раскат далекого грома. — Мы возомнили себя хозяевами этого мира. Но вспомните тот день, братья и сестры. Вспомните тех, кто говорил с нами в этом зале до того, как мы стали богами.

Боги переглянулись. В их бессмертной памяти всплыл тот первобытный трепет. День, когда в этом зале сошлись четверо — по одному с каждой стороны. Вершители и хранители. Безликая, безжалостная Воля и Неволья всего сущего. Сама ткань вселенной, которая даровала им могущество, но взамен оставила предупреждение.

Джерделис поднял голову и в тишине Первохрама слово в слово повторил древний общий шепот Вершителей:

— *«Настанет день огня и сожжения, придет тот, чье бытие — ожог. Рожденный толикой сознания, он пробудится. Он воздаст. От сна, отчаяния и боли, от ссылок, что даны навеки, Непостижимый, неопалимый — так говорили о нем».*

Эхо пророчества растворилось в высоких сводах, оставив после себя предгрозовое напряжение.

— *«Рожденный толикой сознания...»* — задумчиво повторила Элинария. — Мальчик. Димитрий. Его душа пришла из другого мира, сохранив память о прошлой жизни. Он — та самая аномалия, сбой в потоке душ. Сектанты не просто так выбрали его своим инкубатором.

— Он — точка невозврата, — жестко констатировал Валториан. Его пальцы до скрипа сжались на рукояти меча. — Если Неуязвимый прорвется сквозь трещину в печати, мир смертных захлестнет зеленый огонь. Мы должны вмешаться лично. Мы должны уничтожить этого мальчишку, пока Бездна не использовала его до конца!

— Нет, — Ауриэль поднял руку, останавливая бога войны. — Юноша отверг Скверну. Он выжег ее из себя. Убив его, мы нарушим замысел Вершителей и сами станем палачами. Воля мира дала ему шанс.

— Тогда что ты предлагаешь, Владыка Света? — прищурилась Люстрада. — Ждать? Ждать, пока Инквизиция или эльфийские интриги окончательно сломят его психику и он сам откроет дверь из ненависти ко всему живому?

Селарион поднялся с колен и посмотрел на остальных богов.

— Мы будем наблюдать, — тихо произнес бог магии. — Фигуры на доске смертных пришли в движение. Печать дала трещину, и теперь шепот Неопалимого будет проникать в Академию гораздо чаще. Твари Бездны начнут обретать плоть. Димитрий — обоюдоострый клинок. Он может стать ключом к возвращению темного бога... или тем единственным, кто сможет сковать его новыми цепями.

Джерделис кивнул в знак согласия. — Пусть смертные сами решают свою судьбу. Но отныне мы пристально следим за Академией. Игра вышла на новый уровень.

Шесть сияющих фигур растворились в эфире, оставив Первохрам в его тысячелетнем одиночестве. Но где-то бесконечно далеко внизу, в неизмеримых глубинах мироздания, за истончившимся барьером Бездны, во тьме впервые за века открылся огромный пылающий зеленый глаз. Неугасимый ждал. И время наконец начало работать на него.

Глава 1

Два энда.

Ровно столько времени понадобилось Академии, чтобы отмыть кровь с камней ритуального обелиска, заменить оплавленные, фонящие Скверной кирпичи в подземном коллекторе и сделать вид, что ничего не произошло. Этот мир обладал поразительной, почти тошнотворной способностью к регенерации. Расписание лекций восстановили на следующий же день после снятия оцепления. В столовой снова подавали горячие обеды, от запаха которых меня теперь выворачивало наизнанку. Студенты всё так же зубрили формулы, сбегали на ночные свидания, тайком пронося вино в общежития, и плели свои мелкие, ничего не значащие интриги.

Мир продолжал жить. Время текло своим чередом. Для всех, кроме меня.

Я сидел на заднем ряду просторной, залитой холодным, равнодушным утренним светом аудитории, механически водя пером по пергаменту. Профессор истории магии, сухонький старичок с козлиной бородкой, монотонно вещал о древних пактах между Великими Домами эльфов и первыми императорами людей. Его голос сливался в неразборчивый гул, похожий на жужжание трупной мухи над свежей могилой.

Я смотрел не на доску, испещренную датами и рунами. Я смотрел на пустые места впереди.

Второй ряд, прямо по центру. Там они всегда сидели вместе. Ирэн и Мерелиана. Две такие разные, но ставшие неразлучными фигуры. Мне казалось, что если я закрою глаза хотя бы на секунду, то до сих пор смогу увидеть их живыми. Увидеть, как лучи солнца путаются в светлых волосах Ирэн, когда она, закусив нижнюю губу и хмуря лоб, пытается свести сложный алхимический баланс. И как рядом с ней, идеально держа спину и надменно вздернув острый подбородок, сидит Мерелиана. Я всё еще чувствовал фантомный, тонкий морозный аромат хвои и серебристого лотоса — ее любимых духов. Они были живыми. Они смеялись. Они верили мне.

И чуть в стороне, на соседнем стуле — пустое место Метиаса.

Мои пальцы, сжимавшие деревянное перо, побелели. Древко тихо, сухо хрустнуло и переломилось пополам, впиваясь острыми щепками в кожу. Чернильная клякса уродливым черным пятном расплылась по пергаменту, впитываясь в волокна так же жадно и неотвратимо, как Скверна впитывалась в мою ауру в ту ночь.

Никто не обернулся на звук. Студенты, сидевшие рядом, лишь незаметно, как им казалось, отодвинулись от меня подальше. Вокруг моей парты давно образовалась невидимая зона отчуждения, мертвая пустошь, в которую никто не смел вторгаться. Они боялись меня до смерти. Я видел это по их беглым, затравленным взглядам, по тому, как мгновенно стихали смешки и разговоры, стоило мне войти в коридор или столовую.

Официальная версия Инквизиции, скармливаемая ректорату и студентам, была простой и удобной. Согласно ей, тихий, незаметный студент Метиас оказался спящим агентом культа Неопалимого Пламени. Именно он был тем самым серийным убийцей, хладнокровным палачом, скрывавшимся под маской забитого первокурсника. А я, Димитрий, проявил невиданный героизм, чудом выследив маньяка и пережив схватку с ним в подземельях до прибытия ударных отрядов.

Но студенты не были идиотами. Они чувствовали гниль, которая скрывалась за всей этой историей. Они видели, как меня выносили из коллектора — изломанного, насквозь пропитанного кровью, с глазами, в которых не осталось ни капли человечности. И они шептались. Шептались по углам о том, что золотой эльфийский Уникум проклят. Что девочки погибли из-за него. Что он и сам наполовину чудовище, раз смог в одиночку превратить верховного жреца Бездны в пускающий слюни кусок мяса.

И самое паршивое, самое разрушительное заключалось в том, что они были абсолютно правы.

Я откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и судорожно сглотнул ком, вставший поперек горла. Физические раны, нанесенные Инквизицией в пыточных камерах и Метиасом в бою, давно затянулись. Лучшие целители Ордена вливали в меня декалитры зелий и часами воздействовали на меня медицинской маной, так что шрамы на спине превратились в бледные стянутые рубцы, а сломанные ребра больше не мешали дышать. Но это была лишь внешняя, обманчивая целостность.

Внутри меня зияла абсолютная, леденящая душу пустота. Черная дыра, поглотившая все, что делало меня человеком.

Я больше не спускался в свой внутренний мир без крайней на то необходимости. Я боялся того, что там увижу. Идеально ровное черное стеклянное плато. Мое исполинское Древо, разделенное ровно пополам. С одной стороны — ослепительное, обжигающее тепло золотой маны Созидания. С другой — ледяной космический вакуум очищенной черной маны Разрушения.

Я приручил эту Тьму. Я очистил её от Скверны Бездны, подчинив ее своей воле. Но теперь эта первозданная, чистая Тьма жила во мне, медленно и методично замораживая мои собственные эмоции. Радость, страх, интерес к жизни, способность сопереживать — все это казалось далеким, приглушенным, словно я смотрел на мир сквозь толстое грязное стекло. Осталась только разъедающая, едкая вина. Вина, которая стала моим постоянным спутником. Она будила меня по ночам криками Мерелианы. Она душила меня днем, когда я проходил мимо обелиска во дворе. Я задыхался от ненависти к самому себе.

Колокольный звон, возвестивший об окончании лекции, ударил по натянутым нервам, заставив меня вздрогнуть. Аудитория мгновенно ожила. Студенты торопливо, почти в панике, собирали сумки, стараясь как можно быстрее покинуть помещение, не встречаясь со мной взглядом. Я не спешил. Аккуратно, механически, выверенными движениями автомата собрал свои пергаменты, выбросил обломки сломанного пера и закинул сумку на плечо.

Выйдя в просторный, залитый ярким утренним солнцем коридор Академии, я почти физически ощутил тяжелый, напряженный взгляд, устремленный мне точно между лопаток. Я не стал оборачиваться. Я знал, кому он принадлежит. И от этого становилось только хуже.

— Димитрий.

Голос Элирии звучал негромко, но в нем была та особая властная интонация, которая заставляла всех вокруг замолчать. Студенты, оказавшиеся в коридоре между нами, бросились врассыпную, словно от прокаженных, и вжались в стены.

Я медленно повернулся. Элирия стояла у высокого готического арочного окна. На ней больше не было тяжелой, подавляющей волю брони элитного боевого инквизитора. Не было фиолетового плаща с серебряной руной карающего ока, внушавшего трепет одним своим видом. Только строгий, безупречно скроенный преподавательский сюртук темно-синего цвета и простая, наглухо застегнутая белая рубашка. Ее длинные пепельные волосы, которые она всегда туго заплетала в боевую косу перед любой операцией, сейчас мягко и беззащитно спадали на плечи.

Она выглядела... обычной. Красивой, строгой, но абсолютно обыкновенной человеческой женщиной. Лишенной защиты, статуса и мощи своего Ордена. И для меня это зрелище было больнее очередного удара хлыстом.

— Профессор, — сухо отозвался я, слегка склонив голову в вежливом, формальном полупоклоне.

Элирия болезненно поморщилась, словно мое официальное обращение царапнуло ее по оголенным нервам. Она сделала неуверенный шаг навстречу. В ее глазах, всегда таких надменных, расчетливых и холодных, сейчас плескалась странная, непривычная и пугающая меня

эмоция. Смесь всепоглощающей вины, материнской тревоги и отчаянного, безнадежного желания пробиться сквозь ту ледяную стену, которую я воздвиг между нами.

— Зайдешь ко мне на чай? — спросила она. Ее голос предательски дрогнул. — Я достала тот самый травяной сбор с северных склонов. Ты говорил как-то, что он помогает от бессонницы.

— У меня нет бессонницы, — ровным, совершенно мертвым голосом солгал я, глядя сквозь нее. Я не спал нормально уже почти месяц. Стоило мне закрыть глаза, как я снова погружался в вязкую, гниющую воду коллектора. — Благодарю за предложение, но мне нужно в библиотеку. Задали много дополнительного материала.

— Димитрий, пожалуйста, — она сделала еще один шаг, сократив расстояние почти до нуля, и понизила голос до отчаянного шепота. — Хватит от меня убегать. Пожалуйста. Мы нормально не разговаривали с тех пор, как... с тех пор, как ты попал в больницу. Не замыкайся в себе. Это убьет тебя быстрее, чем секта.

Я стиснул зубы так, что затрещали челюсти. Упоминание больницы было сродни тому, как если бы я повернул заржавевший нож в открытой гноящейся ране. Перед глазами мгновенно вспышкой сверхновой пронеслось воспоминание.

...Ослепительно-белый, давящий потолок секретного лазарета Инквизиции. Запах хлорки, горьких целебных зелий и едва уловимый медный привкус собственной запекшейся крови во рту. Я лежал на жесткой узкой койке, не чувствуя собственного тела ниже ключиц из-за лошадиных доз алхимического обезболивающего. Тогда, спустя трое суток после бойни, Элирия пришла ко мне в палату глубокой ночью. Она обошла сонные патрули, заперла дверь на глухой магический замок и тяжело опустилась на стул рядом с моей койкой. Она выглядела так, словно сама только что вернулась из Бездны: под глазами залегли жуткие черные тени, на скуле красовался свежий порез, небрежно стянутый маной, а руки мелко дрожали, теребя край инквизиторского плаща.

— Ты должен знать правду, мальчишка, — прохрипела она тогда, глядя не на меня, а куда-то сквозь стену, словно видела там призраков. — Ты должен знать, почему всё пошло прахом и кто за этим стоит.

Я не мог говорить. Горло саднило от крика. Я лишь смотрел на нее тусклым, потухшим взглядом, ожидая очередного удара судьбы.

— Твой друг... — Элирия судорожно вздохнула, словно ей не хватало воздуха. — Метиас был убийцей. Настоящим палачом. Не случайным фанатиком, которого мы не заметили, а идеальным инструментом, годами внедрявшимся в систему. В Академию его привел лорд Оруэлл.

Внутри меня, под слоями бинтов, все заледенело. Мой больной, одурманенный зельями мозг отказывался воспринимать эту информацию. Оруэлл? Великий Дом? Но как же зеленое пламя? Как же культ? Я вспомнил кроткую улыбку Метиаса в столовой, то, как он делился со мной хлебом, как выслушивал мои параноидальные теории о том, кто может быть убийцей. А убийца все это время сидел напротив меня. И слушал. И мысленно примерял нож к моему горлу.

— Оруэлл, этот напыщенный эльфийский ублюдок, думал, что контролирует грязь, — с горькой, злой усмешкой продолжила Элирия, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Он думал, что купил нищего студента, чтобы тот шпионил за тобой, манипулировал твоими чувствами и отрезал тебя от влияния Инквизиции. Но он оказался слепым идиотом. Метиас уже давно принадлежал Неопалимому. Он использовал ресурсы лорда, его золото, его пропуски и артефакты скрытности, чтобы безнаказанно резать глотки и готовить алтарь из твоих друзей.

Она подалась вперед, ее глаза лихорадочно блестели во мраке палаты.

— В ту ночь, когда всё случилось, наши перехватчики засекли экстренное магическое послание. Оруэлл отправил его своим теням-наемникам в столицу. Метиас перестал выходить с ним на связь, а артефакты лорда засекли всплеск некротической энергии в твоём крыле. Оруэлл запаниковал. В его послании был прямой приказ: «Найти Сосуд, ликвидировать сорвавшегося пса, замести все следы Дома». Я лично дешифровала перехват. Я всё поняла, Димитрий. Поняла, кто настоящий предатель. Поняла, что Ирэн убил тот, кому ты доверял больше всего. Я подняла по тревоге элитный ударный отряд и бросилась в подземелья...

Элирия внезапно замолчала, закрыв лицо дрожащими руками. Ее плечи судорожно вздрагивали. Впервые за всё время нашего знакомства я видел, как эта железная, непробиваемая женщина ломается на куски.

— Я опоздала на десять минут, — ее голос сорвался на отчаянный, глухой всхлип. — Всего на десять проклятых минут. Если бы я разгадала шифр лорда чуть раньше... Мерелиана была бы жива. И тебе не пришлось бы проходить через этот ад.

Я помню, как лежал тогда, чувствуя, как последняя наивная надежда на справедливость в этом мире рассыпается в прах. Оруэлл. Высокородный лорд. Из-за его грязных политических игр, из-за его маниакального желания контролировать меня, в Академию вошла Смерть. Тот, кого я считал другом, оказался серийным убийцей. И никто, кроме меня, не понесет за это настоящей расплаты.

Потому что спустя два дня после того ночного разговора в мою палату вошел следователь Трибунала. Я не слышал их разговора с Элирией — на дверь наложили полог тишины, — но я видел всё через приоткрытую щель. Я видел, как высокий, седой человек в золотой, расшитой рунами мантии Верховного Инквизитора подошел к ней. Как он брезгливо и холодно сорвал с ее груди серебряную руну. Я читал по его губам: «Вы позорите Орден. Вы допустили культ к ценному активу. Вы лишены званий, привилегий и доступа к ресурсам. Ректорат умоляет оставить вас в качестве преподавателя. Для Инквизиции вы отныне — пустое место».

Я моргнул, прогоняя наваждение и возвращаясь в реальность. Залитый солнцем коридор Академии. Элирия, с невыносимой тревогой смотрящая мне в глаза.

С тех пор наши отношения безвозвратно изменились. Она пыталась компенсировать мне всё то, что я потерял, окружить меня удушающей, гиперопекающей заботой. Пыталась стать наставницей, защитницей, другом. Но я был ходячим проклятием. Гнойником на теле мироздания. Все, кто приближался ко мне слишком близко, либо умирали в агонии, либо теряли всё, что имели. И я не собирался больше тянуть Элирию за собой на дно.

— Вы ни в чем не виноваты, Элирия, — наконец произнес я, тщательно контролируя интонации. — Вы сделали все, что было в ваших силах. Опоздали не вы. Опоздал я. Я поверил чудовищу.

— Перестань себя винить! — не выдержала она, резко подалась вперед и крепко схватила меня за предплечье. Ее пальцы были горячими, почти обжигающими. — Метиас обманул нас всех! Он был гениальным психопатом. Он обманул Оруэлла, обманул сканеры Инквизиции! Ты ни в чем не виноват!

Я аккуратно, но с непреодолимой силой высвободил руку из ее хватки. И в этот момент, поддавшись раздражению, на долю секунды ослабил ментальные барьеры внутри себя. Мой правый глаз, до этого казавшийся обычным, светло-карим, внезапно дрогнул. Зрачок молниеносно расширился, заполнив всю радужку абсолютной, непроницаемой тьмой, которая, казалось, начала поглощать солнечный свет, льющийся из окна.

Элирия инстинктивно, по-звериному отпрянула. Я увидел, как расширились ее зрачки. Увидел в глазах бывшей бесстрашной инквизиторши первобытный, парализующий страх.

И мне стало легче. Пусть лучше боится меня, чем жалеет.

— Я не жертва, профессор, — тихо и вкрадчиво сказал я, и от вибрации моего голоса оконные стекла едва заметно задрожали. — Я не просто выжил. Я сломал его, помните? Я выжег его источник дотла. Я сделал с ним то, чего не смогли сделать ваши хваленые палачи.

Элирия сглотнула, не в силах отвести взгляд от моего почерневшего глаза. Она видела ту двойственную магию в подземельях. Видела тот концентрированный, уничтожающий все на своем пути черный клинок, который пробил щиты сектанта. И как бы она ни пыталась изображать заботливую наседку, она прекрасно понимала: то, что теперь сидит внутри меня, до дрожи пугает даже выдавших ад ветеранов.

— Димитрий... — прошептала она, и ее голос дрогнул. — Ты не чудовище. Что бы там ни болтали эти напуганные дети, что бы ни думали эльфийские лорды в своих дворцах. Я знаю, кто ты на самом деле.

— Правда? — я безрадостно и криво усмехнулся. Правый глаз моргнул и снова стал обычным. Тяжелые ментальные затворы с лязгом встали на место. — Тогда вы знаете больше, чем я сам. До свидания, профессор Элирия.

Я отвернулся и, чеканя шаг, зашагал прочь по коридору. Академия давила на меня физически. Ее древние стены, насквозь пропитанные грязными интригами Оруэлла, трусостью ректората и кровью моих подруг, вызывали удушающий приступ тошноты. Я свернул в самое безлюдное крыло, ведущее к заброшенным библиотечным архивам, куда студенты забредали раз в десятилетие.

Только здесь, в полумраке, среди пыльных стеллажей, я мог позволить себе слабость. Я прислонился затылком к холодной каменной стене и медленно сполз на грязный пол. Закрыв лицо руками. Пальцы дрожали так, словно у меня началась лихорадка.

Мертвая тишина пустого коридора внезапно нарушилась. Это были не шаги. И не скрип открывающейся двери. Это был звук, раздавшийся прямо у меня в голове.

«...С-с-сосуд...»

Я резко, словно от удара током, вскинул голову. Сердце пропустило удар, а затем забило как сумасшедшее, разгоняя по венам адреналин. Золотая мана внутри меня вспыхнула, рефлекторно готовясь к бою, а очищенная Тьма ледяными шипами выступила на коже, покрыв руки тонкой коркой черного инея.

Я дико огляделся по сторонам. Никого. Только пыль, танцующая в луче света, пробивающемся сквозь щель под потолком.

Но шепот не прекращался. Он был тихим, вкрадчивым, шелестящим, как сухая чешуя гигантской змеи, ползущей по камням. И он доносился изнутри.

Я закрыл глаза и отчаянным ментальным усилием погрузился в свой собственный источник. Черное стеклянное плато. Мое двухцветное Древо, раскинувшее исполинские ветви. Все было на месте. Но потом я поднял голову вверх. Там, в абсолютной пустоте моего внутреннего неба, куда никогда не проникал свет и где не было ничего, кроме спокойствия, я увидел ее.

Трещину. Она была тонкой, изломанной, похожей на шрам на теле мироздания. Ее рваные края слабо, болезненно пульсировали тем самым тошнотворным, радиоактивно-зеленым светом, который я с таким трудом выжег из своей маны. Светом Скверны.

Именно оттуда, из этой микроскопической бреши в моем подсознании, из-за грани реальности, доносился этот голос.

«...Ты очистил плоть..., но ты открыл дверь... Ключ... Мой идеальный парадокс...»

Шепот Неопалимого.

Меня с силой выбросило в реальность. Я сидел на холодном каменном полу Академии, вцепившись пальцами в волосы, и жадно хватал ртом воздух, чувствуя, как по вискам стекают капли ледяного пота.

Метиас проиграл. Оруэлл проиграл свою партию. Инквизиция позорно облажалась. Но Бездна... Бездна только начала свою Большую Игру. Соединив свет и тьму, создав невозмож-

ный дуальный конструкт, чтобы просто выжить в той мясорубке, я сделал именно то, чего тысячелетиями ждал этот мертвый бог. Я надломил его клетку.

Я медленно поднялся на ноги. Апатия, скорбь и депрессия, которые душили меня последние два энда, внезапно отступили, сгорели дотла, вытесненные первобытным, обжигающим, кристально чистым ужасом. И вместе с этим ужасом пришло ясное, беспощадное понимание.

Пока я скорбел по девочкам, жалел себя и прятался от Элирии, тот, кто дергал их всех за ниточки, уже внимательно наблюдал за мной сквозь щель в моем собственном разуме.

Если я хочу выжить, если я хочу заставить Оруэлла захлебнуться собственной кровью и не дать этому миру сгореть в зеленом огне... мне придется перестать быть жертвой. Мне придется полностью принять эту Тьму. Мне придется стать тем самым монстром, которого они все так обоснованно боятся. И на этот раз, клянусь Бездной и Светом, я буду играть по своим правилам.

Глава 2

Шепот Неопалимого все еще отдавался в моей голове тихим, сводящим с ума шелестом, когда Бездна выпустила меня из своих объятий. Я сидел на грязном полу библиотечного архива, прислонившись затылком к ледяной каменной стене, и жадно хватал ртом воздух. Кожа под одеждой покрылась холодным липким потом, а очищенная черная мана в моем источнике пульсировала с такой яростью, словно пыталась вырваться наружу и сжечь все живое в радиусе мили.

Раздавлен. Сломлен. Ничтожен. Эти слова, которые еще несколько минут назад казались мне такими важными, теперь сгорели в обжигающем пламени первобытного, хтонического ужаса. Пока я сидел на лекциях, жалел себя и сходил с ума от чувства вины, тот, кто дергал за ниточки Метиаса, уже смотрел на меня. Смотрел сквозь меня.

Я поднес правую руку к лицу. Она мелко, неконтролируемо дрожала от адреналина. Скорбь по Мерелиане и Ирэн внезапно показалась мне непозволительной роскошью. Предательством памяти Метиаса, который, в отличие от меня, никогда не жалел себя, хладнокровно выполняя свою миссию убийцы.

Я больше не имел права на слабость. Если я хочу отомстить Оруэллу за то, что он принес эту заразу в Академию, и не стать марионеткой Неопалимого, чей голос я только что услышал, мне придется использовать свою Тьму. Мне придется стать тем самым монстром, которого они все так обоснованно боятся.

Тишину архива нарушил звук, который здесь казался совершенно неуместным. Тихий механический скрежет металла о камень.

Я резко вскинул голову. Правый глаз моргнул и наполнился непроницаемой тьмой. Золотая мана Созидания в источнике свернулась в тугую спираль, готовясь к атаке.

Из полумрака выплыла фигура. Это был автомата — один из ректорских големов-посыльных. Безликий конструктор из полированного обсидиана и бронзы. В центре его груди пульсировало холодное синее пламя магического привода.

Он остановился ровно в трех шагах от меня. Его бесстрастное лицо произнесло монотонным магическим голосом:

— Адепт Димитрий. Ректор вызывает вас в Главную башню. Немедленно. Приказ первостепенной важности.

Я моргнул, возвращая правый глаз в обычное состояние. Глубоко вздохнул, заставляя Тьму в источнике успокоиться. Ректор. Глава этой Академии. Человек, который предпочитал наблюдать за происходящим с высоты своей Башни, не вмешиваясь в студенческие разборки. Если лорд Оруэлл был ядовитой змеей, а Инквизиция — цепным псом, то Ректор был холодным, расчётливым пауком в центре огромной паутины.

Я медленно поднялся на ноги. Все тело отозвалось болью в старых шрамах, но я заставил себя стоять прямо. Отряхнул пыль с темного сюртука.

— Веди, — коротко бросил я голему.

Мы шли через всю территорию. Студенты, видевшие меня в сопровождении ректорского голема, мгновенно замолкали. Их взгляды жалили меня, как отравленные иглы. *«Смотрите, проклятого эльфа ведут к ректору», «Наверное, его наконец отдадут Трибуналу».*

Мы вышли во внутренний двор. Огромный обелиск Света сиял на солнце. Мой взгляд невольно скользнул к месту бойни. Чувство вины, терзавшее меня, сменилось ледяной расчетливостью.

Автомата привел меня к подножию Главной башни. Исполинский конструктор из черного базальта был сердцем Академии. Массивные бронзовые двери бесшумно распахнулись при

нашем приближении. Мы вошли внутрь и поднялись на левитационной платформе на самый верхний уровень, скрытый за дверями с серебряными рунами.

Кабинет ректора разительно отличался от пафосных эльфийских залов или мрачных допросных Ордена. Это было строгое, функциональное помещение, пропитанное колоссальной магической мощью. В центре пульсировала огромная голограмма Академии.

Ректор стоял у панорамного окна. Высокая статная фигура, облаченная в строгую мантию без каких-либо знаков отличия. От него исходила такая мощная аура силы, что воздух в кабинете казался наэлектризованным. Когда я вошел, он медленно обернулся. Его цепкий, абсолютно бесстрастный взгляд скользнул по мне, словно препарируя.

— Два энда, Димитрий, — его голос был ровным, но звучал так, будто заполнял собой всё пространство. — Ровно столько времени потребовалось Инквизиции и эльфийским лордам, чтобы перегруппироваться и сделать следующий ход на политической доске.

Он обошел голограмму и опустился в кресло из темного дерева.

— Присаживайтесь. Нам предстоит предельно откровенный разговор. Без иллюзий и сантиментов, к которым вас приучила бывшая капитан Элирия.

Я молча сел в кресло напротив. Ректор положил на стол плотный свиток пергамента, скрепленный сургучной печатью с гербом Ордена Света. Мой контракт.

— Ситуация вокруг вас достигла критической точки, — начал Ректор. — Элирия Вальдрес отстранена. Она больше не ваш щит. Для Высшего Трибунала вы — ценный, но крайне нестабильный актив. Сосуд, в который они вложили огромные средства, оплачивая ваше обучение и содержание.

Он пододвинул ко мне свиток с контрактом.

— Час назад я получил официальное письмо от Трибунала. Поскольку ваша «защитница» скомпрометирована, а в Академии действовал культ, Инквизиция считает, что оставаться здесь небезопасно для их инвестиций. Они требуют прекратить ваше обучение и перевести вас в закрытые монастыри Ордена. Навсегда.

Внутри у меня все похолодело. Закрытые монастыри Инквизиции. Я прекрасно понимал, что это значит. Меня превратят в безвольную батарейку. Запрут в камере и будут изучать, как я очищаю ману. Инквизиция не потерпит, чтобы Сосуд разгуливал на свободе, обладая дуальной магией.

— А лорд Оруэлл? — сухо спросил я. — Он просто позволит им забрать меня?

Ректор едва заметно усмехнулся. — Лорд Оруэлл сейчас в бешенстве. Его план по установлению контроля над вами через Метиаса провалился. Инквизиция подозревает его во вмешательстве, эльфийские Дома недовольны шумихой. Оруэлл попытается убить вас просто из мести и желания замести следы, как только вы покинете территорию Академии. Конвой инквизиции — отличная мишень.

Ректор сложил руки на груди. — Вы в ловушке, Димитрий. Шаг за ворота — и вас убьют эльфийские тени. Останетесь с контрактом — станете подопытной крысой Трибунала.

— И что вы предлагаете? — мой голос зазвенел холодным металлом. Я знал, что у него есть план. Такие люди не вызывают первокурсников просто для того, чтобы сообщить плохие новости.

— Я глава этой Академии, — глаза ректора сузились. — И я не позволю фанатикам из Трибунала или интриганам из Великих Домов указывать мне, кого учить. Особенно когда речь идёт о самом необычном студенте за всю историю магического мира. У меня есть для вас предложение.

Он подался вперед. — Условие первое: Академия выкупает ваш контракт у Инквизиции. Полностью. Мы компенсируем Ордену Света все расходы на ваше обучение. Юридически Трибунал утратит над вами власть. Вы станете свободным студентом под моей личной защитой.

Выкупить контракт у Инквизиции. Это астрономическая сумма. И беспрецедентный политический шаг.

— Второе условие, — продолжил Ректор. — Вы переводитесь в класс особых учеников. В спецгруппу. У вас будет доступ к лучшим полигонам и боевым практикам. Более того, я лично займусь вашим обучением. Я научу вас контролировать и балансировать вашу двойственную магию. Созидание и Разрушение в одном источнике.

Это было предложение, от которого невозможно отказаться. Защита, сила и свобода от инквизиторского надзора.

— Какова цена? — прямо спросил я, не отводя взгляда. Бесплатных услуг не бывает.

Ректор удовлетворенно кивнул, оценив мой прагматизм. — Цена — это ваш источник, Димитрий. Ваша мана. В обмен на мою защиту и выкуп контракта вы предоставите себя для моих личных, закрытых исследований. Я хочу изучить феномен дуальности. Я хочу знать, как вы выжили, столкнувшись со Светом и Тьмой. Вы станете моим личным научным проектом.

Стать подопытным. Только теперь не для Инквизиции, а для Ректора. Это был риск, но, в отличие от фанатиков Света, Ректором двигали чистая наука и прагматизм. С ним можно было договориться.

Я вспомнил зеленую трещину в своем подсознании. *«Ты открыл дверь... Ключ...»* Если Ректор узнает, что Бездна заглядывает мне в голову, он навечно запретит меня в этой Башне. Мне нужны были знания, чтобы справиться с этим самому.

Я опустил ментальные барьеры. Правый глаз на секунду дрогнул, и зрачок затопила абсолютная, непроницаемая Тьма. Ректор не шелохнулся, лишь в его взгляде вспыхнул острый исследовательский интерес.

— Я принимаю ваши условия, — тихо произнес я. — Мой источник в обмен на выкуп контракта и защиту. Но у меня есть встречное требование.

— Слушаю.

— Мне нужен полный, неограниченный доступ к Запретному архиву Академии. К тем разделам, где хранятся древнейшие знания о Бездне, изначальной Энтропии и Богах.

Ректор нахмурился. Повисла напряженная тишина. — Вы требуете ключи от дверей, за которыми сокрыты вещи, сводящие с ума даже магистров, Димитрий. Эти секции были опечатаны Трибуналом сотни лет назад.

— Вы сами сказали, что не позволите им диктовать вам условия, — парировал я. — Обычные учебники не помогут мне держать Разрушение в узде. Мне нужны ответы.

Он долго смотрел на меня, взвешивая риски. Затем медленно кивнул. — Договорились. Я выдам вам личный допуск под предлогом помощи в моих исследованиях. Но если Трибунал узнает, что вы читаете запретные фолианты, я не смогу вас прикрыть.

Ректор взмахнул рукой, и на столе появился новый магический пергамент. Буквы контракта с Академией загорелись золотым пламенем.

Я взял перо. Скорбь, вина и страх были заперты в ментальном сейфе. Выживают только те, кто умнее и безжалостнее других. Я поставил размашистую подпись.

Магический свет в кабинете на секунду мигнул, когда контракт вступил в силу.

— Добро пожаловать под истинное покровительство Академии, Димитрий, — произнес ректор, сворачивая пергамент. — Трибунал сегодня же получит свои деньги. А завтра мы приступим к исследованиям. Свободны.

Я вышел из Главной Башни. Свежий ветер ударил мне в лицо. Контракт с Инквизицией расторгнут. Я больше не их марионетка.

Бездна уже начала свою Большую Игру, оставив трещину в моем разуме. Но теперь и я сделал свой первый ход. И я собирался выиграть эту партию.

Глава 3

Путь от Главной башни до мужского корпуса студенческого общежития казался мне переходом через враждебную, вымороженную пустошь, хотя на самом деле я просто шел по залитым полуденным солнцем аллеям Академии.

Сделка с ректором была заключена. Мой контракт с Инквизицией, та самая невидимая удавка, которая держала меня на коротком поводке Ордена Света, сгорела в магическом пламени. Я больше не был ничьим «активом» или «сосудом», я стал личным исследовательским проектом самого могущественного мага этого заведения. Свобода. От этого слова на языке должен был остаться сладкий привкус, но я чувствовал лишь металлический привкус пепла.

Академия реагировала на мое присутствие, как живой организм на инородное, токсичное тело. Два энда. Два долгих месяца с той самой ночи в коллекторе. И за это время ничего не изменилось. Стоило мне появиться в поле зрения, как привычный студенческий гомон мгновенно стихал, разбиваясь о невидимую стену моего отчуждения. Стайки первокурсников, щебетавших у фонтанов, замолкали на полуслове и торопливо расходились. Аристократы с боевых факультетов, обычно задиристые и шумные, провожали меня тяжелыми настороженными взглядами, инстинктивно кладя руки на рукояти тренировочных клинков.

Они не знали правды о дуальной магии или трещине Скверны в моем разуме. Они знали только официальную версию, выверенную Трибуналом: эльф-Уникум в одиночку расправился с серийным убийцей. Для них я стал монстром, победившим другого монстра.

Я шел вперед, не опуская головы и глядя прямо перед собой. Мой правый глаз, за обычным светло-карим цветом скрывающий ледяную пустоту первозданного Разрушения, ни разу не дрогнул. Я привык носить эту маску абсолютного, пугающего спокойствия. Ректор был прав: для них я стал аномалией. Проклятым. И теперь это была моя лучшая броня.

У парадного входа в мужской корпус меня ждал сюрприз, ставший первым реальным доказательством могущества Ректора.

Двое крепких парней в неприметных серых куртках — тайные соглядатаи Трибунала, которые все эти два месяца круглосуточно дежурили у моего корпуса под видом старшекурсников, — торопливо стирали с каменной двери невидимые следящие руны. Увидев меня, один из них дернулся, рука рефлекторно скользнула за пазуху, где наверняка прятался боевой артефакт. Но второй перехватил его за запястье и отрицательно покачал головой. Они оба скринулись, словно проглотили по горсти битого стекла, синхронно сплюнули на брусчатку и, не сказав ни слова, быстрым шагом направились прочь, растворяясь в толпе.

Сделка сработала. Инквизиция махнула на меня рукой, отозвав своих цепных псов.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел в прохладный холл общежития. Поднявшись на свой этаж, я миновал несколько дверей, из-за которых доносился приглушенный смех, мгновенно стихавший, стоило мне приблизиться.

Я вставил ключ в замок своей комнаты, повернул его и вошел.

В комнате царил идеальный, выверенный до мелочей порядок. Порядок, к которому я так и не смог привыкнуть за те полтора месяца, что прошли с момента моего выписки из секретного лазарета.

Ректорат прислал големов-ремонтников, чтобы скрыть следы того самого исторического погрома. Паркет был заново уложен и отполирован до зеркального блеска. Кровать застелена жестким казенным бельем без единой складки. Мои немногочисленные вещи лежали на столе ровными, неестественно аккуратными стопками. В воздухе стоял резкий запах дешевых чистящих зелий и озона.

Но стоило мне закрыть глаза, как стерильная иллюзия рассеивалась, уступая место воспоминаниям о том дне, когда за мной впервые пришла Инквизиция.

Тогда, после жестокого ритуального убийства первокурсницы, боевые маги Ордена провели тотальную и безжалостную зачистку всех общежитий Академии в поисках темных артефактов и ритуальных ножей. Я помню, как вернулся и увидел свою комнату. Засов на двери был вырван с «мясом». Матрас был вспорот лезвием от края до края, так что перья устилали пол. Моя одежда была безжалостно растоптана тяжелыми армейскими ботинками, тумбочка перевернута, а половицы безжалостно вскрыты ломом в поисках тайников. Все мои книги, включая тяжеленный учебник по истории магии, были выпотрошены, тщательно пролистаны и в беспорядке разбросаны по полу.

Я помню, как стоял посреди этого разгрома, и по моей спине катился холодный пот. Пот облегчения. Потому что мне невероятно, просто дьявольски повезло. Утром, буквально за пару часов до облавы, я догадался вытащить из того самого учебника по истории магии тайное зашифрованное послание от эльфийского лорда Оруэлла и сжечь его на уроке практической магии. Если бы поисковые артефакты инквизиторов засекли этот пергамент... меня бы немедленно, без суда и следствия, бросили в пыточные подвалы и обвинили в государственной измене и связях с эльфийскими радикалами.

Я думал, что перехитрил судьбу. Думал, что избежал петли. Какой же я был наивный идиот.

Я подошел к своей идеально ровной кровати и сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Хаос, устроенный боевыми магами Инквизиции, и выломанная дверь стали идеальным прикрытием. Пока я радовался, что спасся от письма Оруэлла, настоящий убийца — мой тихий, улыбчивый друг Метиас — беспрепятственно проник в мою открытую комнату. Воспользовавшись суматохой, он залез в мой личный сундук и положил на самое дно окровавленный стилет с моим инвентарным номером, аккуратно завернутый в ткань с символикой культа Неугасимого Пламени.

Инквизиция разгромила мою комнату, но именно Метиас превратил меня в идеального «козла отпущения» для разъяренного Трибунала. Он хладнокровно подставил меня, пока мы с ним пили чай и обсуждали, кто мог быть убийцей.

Бах! Бах! Бах!

Новая, крепко пригнанная дверь содрогнулась от мощных нетерпеливых ударов. Я инстинктивно дернулся. Мышцы мгновенно напряглись, превратившись в тугую пружину, а золотая мана привычно скользнула по меридианам к кончикам пальцев, готовая сорваться с них испепеляющим плетением. Посттравматическое стрессовое расстройство било по нервам без промаха.

Но дверь уже с треском распахнулась настежь, не дожидаясь моего ответа.

На пороге стоял ГмыХ.

Комендант мужского корпуса тяжело дышал, держа в одной руке огромный бумажный кулек, от которого подозрительно пахло жареным мясом и чесноком, а в другой — пузатый заварочный чайник, из носика которого валил густой пар.

ГмыХ выглядел точно так же, как в день моего первого заселения. Невысокий гоблин, едва достающий мне до груди, с типичной зеленоватой морщинистой кожей. Его длинные заостренные уши слегка подрагивали от возмущения, а огромный горбатый нос шумно втягивал воздух. Внимательные, не по-гоблински умные и блестящие глаза-бусинки мгновенно окинули меня с головы до ног. На нем был неизменный, аккуратный, хотя и заметно поношенный жилет с потускневшей вышитой эмблемой Академии.

— Ну привет, пожиратель сектантов! — громогласно заявил он, бесцеремонно вваливаясь в комнату. Он с размаху захлопнул за собой дверь, едва не выбив стекло. — Я уж думал, ты тут от тоски и стерильности плесенью покроешься!

Я моргнул, чувствуя, как ледяная ярость, вызванная воспоминаниями о Метиасе, дает небольшую трещину. ГмыХ. Ворчливый, болтливый и невероятно живой. Единственное суще-

ство в этой проклятой Академии, которое не смотрит на меня как на монстра или подопытного кролика.

— Ты с ума сошел, ГмыХ? — тихо спросил я, заставив ману послушно вернуться в источник, и устало откинулся на спинку стула. — Со мной сейчас в одном коридоре дышать бояться. А ты врываешься ко мне, да еще и... — я кивнул на его ношу. — Что это вообще такое?

— Это, друг мой бледный, как поганка, пирожки от тетушки Марты с нижнего рынка! — гoblin вывалил бумажный кулек прямо на мой идеально чистый, вылизанной големами стол, оставив на нем жирное пятно. Чайник с глухим стуком приземлился рядом. — С мясом дикого вепря и острым перцем! Как увидел в окно, что эти серые инквизиторские крысы отвалили от твоей двери и свернули свои мана-сканеры, сразу понял — надо идти. В столовой на тебя все эти два энда пялятся, как на воскресшего лича, у тебя же кусок в горло не лезет!

Он суетливо полез в карманы жилета, достал оттуда две надколотые глиняные кружки, явно украденные из комендантской подсобки, и налил в них крепкого, черного как деготь чая.

— Ешь давай, — он ткнул в меня узловатым зеленым пальцем с обломанным ногтем. — А то уже светишься от худобы.

Я смотрел на ГмыХа. На этого грубоватого гоблина, который суетился в моей комнате и болтал так, будто мир не перевернулся с ног на голову. Он был тем самым островком житейской простоты, который помогал мне не сойти с ума еще в те дни, когда я только обнаружил первое убийство. Тогда его ворчливая история о пьяных алхимиках помогла мне снять колоссальное напряжение. И сейчас, после сделки в Главной башне, его напускная ворчливость была мне нужна как воздух.

Я послушно потянулся к пакету и достал горячий пирожок. В нос ударил чесночный аромат. Откусив кусочек, я почувствовал вкус настоящего мяса, обжигающего специями. Это была грубая еда, но именно она заставила меня почувствовать себя живым.

— Вот это другое дело! — удовлетворенно хмыкнул комендант, присаживаясь на край моей кровати и не обращая внимания на то, что мнет покрывало. — А то сидит тут, страдает в пустоте. До сих пор не могу простить этим свиньям-инквизиторам того, что они сделали с твоей комнатой во время обыска. Ох и ругался я с ними тогда! Кричал им: «Вы мне казенное имущество портите, варвары в рясах! Кто за выбитые с мясом петли платить будет?!» Зачем полы ломать?!» А они только тычут своими значками и молчат, как рыбы об лед. Я потом полночи просидел на ступеньках, держась за голову, и проклинал их на гoblinском.

ГмыХ сокрушенно покачал головой, и его заостренные уши поникли. Я криво, почти болезненно усмехнулся. В этом был весь ГмыХ: пока Трибунал искал следы культа, комендант бесстрашно защищал вверенное ему здание.

— Спасибо, что пришёл, ГмыХ, — искренне сказал я, запивая острый пирожок крепким чаем. Горло обожгло, и это тоже было приятно.

— Да брось, — отмахнулся гoblin, сверкнув глазами. — Я же говорил, что люблю студентов, которые не строят из себя великих героев. Хотя, судя по слухам, которые ходят по Академии последние два месяца, ты теперь самый великий и ужасный монстр на всем континенте.

ГмыХ подался вперед и понизил голос до заговорщицкого шепота. В его взгляде заплясали искры неутолимого любопытства.

— Слушай, Димитрий... А правда, что ты Метиаса голыми руками порвал? Первокурсники с боевого факультета такое рассказывают, что у меня уши в трубочку сворачиваются. Говорят, ты ему хребет вырвал, а потом умылся его кровью, чтобы забрать его ману! Я им, конечно, сказал, что ты слишком чистоплотен для такого кровавого дела. Но слухи-то ходят!

Я перестал жевать. Кусок пирога встал у меня в горле. Воспоминание об окровавленном стилете, который Метиас подбросил мне в сундук, смешалось с образом его корчащегося в подземелье тела.

Я опустил глаза, глядя на свои руки. Они больше не дрожали. — Порвал, ГмыХ, — мой голос был тихим, ровным и лишенным каких бы то ни было эмоций. Температура в комнате незаметно понизилась. — Только без крови. И без хребтов. Я просто выжег его источник дотла. И если бы мог, выжег бы еще раз.

Гоблин поперхнулся чаем. Он медленно поставил кружку на стол. Ворчливая веселость мгновенно улетучилась, сменившись тяжелым, мрачным осознанием того, что он прожил в этом жестоком мире достаточно долго, чтобы увидеть настоящую тьму.

— Туда этой твари и дорога, — серьезно и очень жестко кивнул ГмыХ, и его огромный нос хищно дернулся. — Вот что я тебе скажу, Димитрий. Он мне никогда не нравился. Слишком правильный был, слишком тихий. А тихие — они самые страшные. От боевика знаешь, чего ждать — он даст по морде. А такие, как Метиас, бьют в спину, да еще и с улыбочкой. Жаль только девчонок... Светлые были.

Мы помолчали. В тишине комнаты было слышно только тиканье старых волшебных часов на стене. Я оценил, что гоблин не стал лезть с дешевыми утешениями или фальшивым сочувствием.

— Значит, спокойная жизнь официально закончилась, — вздохнул ГмыХ, нарушая тишину, и почесал за острым ухом. — Я же тебя предупреждал в первый день, помнишь? Строгость законов Инквизиции заканчивается ровно там, где начинаются корыстные интересы влиятельных лиц. Как только власти понимают, что из тебя можно выкачать силу, пиши пропало. Перерожденцы — это ресурс. Так чего тебя к Ректору-то таскали, бездушные големы? И почему инквизиторы сняли следящие устройства?

Я доел пирожок, чувствуя, как внутри разливается тепло. Я посмотрел на гоблина. Он сидел передо мной — простой, разговорчивый, искренний. И уязвимый.

Я должен был отстраниться от него. Мой прагматизм и холодный расчет, которые теперь управляли мной, кричали об этом. ГмыХ был хорошим гоблином, но дружить со мной теперь — значит подписать себе смертный приговор. Оруэлл мог попытаться ударить по мне через него. Инквизиция могла попытаться его использовать. А если он узнает о трещине Бездны в моей голове, его зачистит сам Ректор.

Я должен был надеть свою ледяную маску. Ради его же безопасности.

— Инквизиция больше не имеет ко мне никакого отношения, ГмыХ, — я откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Взгляд стал отстраненным. — Ректор выкупил мой контракт у Трибунала. Полностью.

— Выкупил?! — глаза гоблина полезли на лоб от изумления. Он присвистнул так громко, что зазвенели стекла. — Владыка Магии? Выложил Ордену целое состояние за студента? Это же какие деньги! И чего он взамен захотел? Твою душу?

— Мою магию, — сухо ответил я. — В этом году меня оставили доучиваться в обычном режиме, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но со следующего курса меня официально переведут в класс особых учеников. В спецгруппу. «Альфа».

На этот раз ГмыХ действительно поперхнулся. Он закашлялся так сильно, что его зеленое лицо пошло пятнами.

— В «Альф»?! — прохрипел он, когда к нему вернулся дар речи. Он смотрел на меня так, словно у меня выросла вторая голова. — К этим отморожкам?! Тьфу ты, пропасть! Димитрий, ты хоть понимаешь, на что подписываешься?!

— Понимаю. Элита Академии.

— Какая, к демонам, элита! — взорвался ГмыХ, вскакивая с кровати и нервно расхаживая по моей чистой комнате. — Это не элита, это абсолютные психи! Смертники! Туда ссылают бастардов высших лордов, у которых не все дома, или таких вот... Уникумов, которых обычная программа не берет. Я видел их на полигонах! Они там на тренировках превращают

друг друга в фарш с помощью боевой магии, а лекари потом собирают их по кусочкам! У них смертность на зачетах — каждый пятый! Ректор из них личных цепных псов делает!

ГмыХ остановился напротив меня, тяжело дыша. В его глазах читался неподдельный страх за мою жизнь.

— Ты же не боевик, Димитрий, — смягчившись, с болью в голосе добавил гoblin. — Ты умный парень. Книжки читаешь, всё анализируешь. Они же тебя там за неделю сожрут.

Я смотрел на него снизу вверх. Мой правый глаз на долю секунды дрогнул, едва не сорвавшись во Тьму, но я удержал контроль. ГмыХ ничего не понимал. Он видел во мне того спокойного, начитанного парня с Земли, который пытался найти логику в этом безумном мире. Но того парня больше не было. Его выжгло зеленым пламенем.

Остался только Ключ. Идеальный парадокс. Тот, кто должен сойти с ума, чтобы выжить среди других сумасшедших. Тот, кому предстоит войти в Запретный архив и найти способ закрыть щель, через которую на него смотрит мертвый бог.

— Пусть только попробуют сожрать, ГмыХ, — тихо, но так тяжело, что слова, казалось, падали на пол свинцовыми каплями, произнес я. — После того, через что я прошел с Метисом... тренировки в «Альфе» покажутся мне курортом.

Гoblin замер. Он вгляделся в мое лицо и, кажется, впервые по-настоящему увидел то, что скрывалось за моим спокойствием. Увидел ту пустоту, от которой шарахались студенты в коридорах. Он поежился, словно по комнате пронесся ледяной сквозняк.

— Тебе лучше не приходите ко мне слишком часто, ГмыХ, — я опустил взгляд на остывший чай в кружке. Маска холодности окончательно вернулась на место. — Это опасно. Для тебя. Инквизиция разорвала контракт, но они будут следить. А я больше не хочу никого терять из-за своей слабости.

ГмыХ долго молчал. Я думал, он сейчас обидится, развернется и уйдет.

Но я недооценил этого гоблина.

— Ох и дурак же ты, Димитрий, — вдруг ворчливо, с тяжким вздохом произнес комендант. Он подошел к столу, взял свою пустую кружку и сунул ее в карман жилета. — «Опасно для меня»... Я, между прочим, в этой Академии работаю дольше, чем на свете живет ваш лорд Оруэлл. Я пережил трех ректоров, два пожара на кафедре алхимии и один прорыв низших демонов в подвале пятого корпуса! Меня инквизиторы своими значками пугали, когда ты еще пешком под стол ходил.

Он подошел к двери, взялся за ручку, но обернулся. В его хитрых глазах светилась упрямая теплота, которую невозможно было подделать или выжечь Тьмой.

— Ты главное, не вешай нос, пожиратель сектантов, — ГмыХ подмигнул мне. — И когда пойдешь в эту свою «Альфу», бей первым. А если захочешь нормального чая, а не этой казенной бурды, или просто затошнит от всей этой стерильности, ты знаешь, где моя каморка. Двери у меня крепкие. Никакой трибунал не пробьет.

Он вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Я остался один. На столе остывал чайник и лежал наполовину пустой кулек с пирожками. Я смотрел на деревянную поверхность двери, чувствуя, как где-то глубоко внутри, под слоями ледяного расчета и черной маны Разрушения, слабо теплится маленькая искорка человечности.

ГмыХ дал мне то, чего не смогли дать ни могущественный Ректор, ни сломленная Элирия. Он дал мне островок нормальной жизни.

Я подошел к окну и посмотрел на шпили Главной башни. Завтра я войду в Запретный архив. Завтра начнется моя новая жизнь под прицелом Ректора. Бездна ждала.

Но сегодня... сегодня я доем эти чесночные пирожки.

Глава 4

Утро началось с вьезшейся в кожу вязкой и серой рутины. Я проснулся задолго до того, как первые бледные лучи солнца коснулись высоких стрельчатых окон нашего общежития. В моей стерильной, до скрипа вычищенной големами-ремонтниками комнате стояла абсолютная, звенящая тишина, прерываемая лишь моим неестественно ровным дыханием. Вчерашние пирожки ГмыХа и его грубоватая, но совершенно искренняя забота немного притупили чувство сосущей, ледяющей пустоты внутри. Но стоило мне открыть глаза и уставиться на ровный, безликий каменный потолок, как привычная маска холодного отчуждения снова намертво сковала мое лицо.

Три энда. Ровно три энда прошло с того дня, как я впервые переступил порог этой огромной Академии. Тогда я был просто парнем, чужаком с Земли в новом теле, наивно полагавшим, что попал в строгую, но понятную систему, где нужно просто учиться, сдавать экзамены, осваивать ману и строить новую жизнь. И целых два энда прошло с той проклятой ночи в подземельях коллектора, когда моя жизнь окончательно, с хрустом разделилась на «до» и «после».

Я медленно, преодолевая внутреннее сопротивление, поднялся с жесткой казенной кровати и опустил босые ноги на холодный паркет. Фантомная боль привычно кольнула в давно заживших шрамах на спине и груди. Мое физическое тело полностью восстановилось благодаря ударным дозам зелий инквизиторских целителей, но вот мой внутренний мир... Он напоминал поле после тяжелой кровопролитной бомбардировки, где каждый неверный шаг, каждая сильная эмоция грозили спровоцировать новый, фатальный взрыв.

Я подошел к медному умывальнику и щедро плеснул в лицо ледяной водой, прогоняя остатки тяжелого, липкого сна без сновидений. Из мутного зеркала на меня смотрел юноша с бледной кожей и глазами, в которых больше не было той искры живого интереса. Ирэн мертва. Мерелиана растерзана на ритуальном обелиске. Метиас, с которым мы делили хлеб, оказался хладнокровным чудовищем, годами скрывавшимся под маской друга.

И я остался один. Совсем один в этом огромном каменном муравейнике, где каждый встречный теперь искренне считал меня то ли героем, то ли чудовищем, что в реалиях этого мира было практически одно и то же.

Я натянул чистую белую рубашку, надел темный академический сюртук и тщательно, методично застегнул его на все пуговицы до самого горла, словно облачился в глухую, непробиваемую броню. Поправил воротник, глубоко вздохнул, загнав все эмоции в самый дальний угол сознания, и вышел из комнаты, тихо притворив за собой новую, намертво вделанную в косяк дверь.

Путь до Главного учебного корпуса давно превратился в ежедневное изматывающее испытание на прочность нервной системы. Я шел по широким аллеям, вымощенным белым камнем, вдыхая утренний воздух. Но красота высоких башен, ухоженных садов и журчащих фонтанов Академии больше не трогала меня. Я видел лишь искусно выстроенные декорации. Декорации, за которыми плелись грязные политические интриги, скрывались пыточные тайны Инквизиции и ломались судьбы таких перерожденцев, как я.

Студенты, спешащие на утренние лекции с охапками свитков, реагировали на мое появление предсказуемо и абсолютно одинаково. Стоило мне приблизиться на десяток шагов, как шумные, смеющиеся компании мгновенно замолкали и торопливо, почти в панике, расступались. Их взгляды, полные суеверного ужаса, болезненного любопытства и затаенной брезгливости, физически ощущались на моей спине. Для них я был тем самым проклятым первокурсником, который голыми руками выжег источник высшего жреца культа Неугасимого Пламени.

Я не обращал на них ни малейшего внимания. Мои мысли витали где-то бесконечно далеко отсюда, за гранью моего внутреннего источника, где в абсолютно черном небе подсознания слабо, но неумолимо пульсировала тонкая изломанная зеленоватая трещина.

Я вошел в гудящие, наполненные голосами коридоры учебного корпуса и привычным, заученным маршрутом добрался до нужной аудитории. Высокие двери были приоткрыты. Я вошел в просторный амфитеатр и направился к самому дальнему ряду, к своему любимому месту у окна. Как всегда, стоило мне сесть и достать письменные принадлежности, вокруг меня образовалась зона абсолютного вакуума — соседние парты сиротливо пустовали. Люди предпочитали толпиться, пихаясь локтями, на передних рядах, лишь бы не сидеть рядом со мной.

Мой взгляд скользнул по аудитории и остановился на напряженной, ссутулившейся спине Джестениса. Он сидел на два ряда ниже, бездумно уставившись невидящим взглядом в чистый пергамент. Три энда назад, когда нас только собрали в группу перерожденцев, он вел себя совсем по-другому. Он был невыносимо шумным, вызывающим, задирает всех по любому поводу, пытался кулаками и криками установить свои порядки, кичился своей огненной маной и смотрел на всех с нескрываемым превосходством.

Сейчас от напускной дешевой спеси не осталось и следа. Он сидел так, словно на его плечи давил невидимый, непосильный груз, сломавший его изнутри.

Прозвенел звонок, резкий и пронзительный, заставив первокурсников торопливо занять свои места. В аудиторию суетливо вошел пожилой профессор истории магии. Он глухо откашлялся, поправил сползающие на кончик носа очки в роговой оправе и начал монотонно вещать у доски, привычно скрипя мелом и рисуя сложные, запутанные схемы древних договоров и магических войн.

Я смотрел прямо на доску, но не видел ни рун, ни дат, ни имен давно почивших героев. Мой разум был полностью погружен в холодные, циничные расчеты.

Сделка с ректором вступила в силу. Инквизиторский контракт уничтожен, удушающий поводок Трибунала снят с моей шеи. Но цена этой мнимой свободы оказалась непомерно высокой. Меня перевели в спецгруппу «Альфа». В отряд, о котором по всей Академии ходили самые жуткие слухи. Студенты шептались, что это отряд смертников, личные цепные псы ректора, где на тренировках убивают друг друга, а выживают только самые жестокие, отмороженные и беспринципные маги. Я должен был стать для них новым куском мяса.

Но взамен я получил нечто бесценное, то, ради чего стоило шагнуть в этот филиал ада, — полный доступ в Запретный архив. И сегодня я собирался забрать свою награду, чего бы мне это ни стоило.

Лекция тянулась мучительно долго, сухие слова профессора сливались в неразборчивый убаюкивающий гул, но внезапно прервались за полчаса до звонка.

Тяжелая дубовая дверь аудитории резко распахнулась, с громким стуком ударившись о каменную стену. Профессор вздрогнул, выронил обломок мела и испуганно замолчал, вцепившись в кафедру.

На пороге стояла Элирия.

Сегодня она выглядела совсем иначе. На ней не было ни привычной строгой мантии преподавателя, ни тем более тяжелого, подавляющего волю плаща боевого инквизитора с серебряной руной. Элирия была одета в простой, но идеально сидящий по фигуре тренировочный костюм из плотной темной кожи, усеянный мелкими потертостями и царапинами от постоянных тренировок с оружием. Ее длинные пепельные волосы были туго заплетены в сложную боевую косу.

Лишенная высоких званий в Ордене Света, свергнутая с пьедестала, она все равно излучала ауру силы. Но теперь в этой силе не было ледяного фанатичного высокомерия. Скорее,

это была глухая, затаенная усталость ветерана, взявшего на себя ответственность за тех, кого еще можно спасти.

— Прошу прощения за вторжение, профессор, — ее голос звучал ровно, но заметно мягче, чем обычно. В нем не было командных ноток, только констатация факта.

Ее пронзительный взгляд быстро пробежался по рядам притихших первокурсников и безошибочно остановился на мне. Затем ее взгляд скользнул ниже, выхватив из толпы напряженную фигуру ссутулившегося парня.

— Адепты Димитрий и Джестенис, — негромко, но так, чтобы услышали все, произнесла Элирия. — Собирайте вещи. Вы идете со мной.

По огромной аудитории мгновенно прокатился тревожный шепот. Студенты переглядывались, явно не понимая, что происходит и куда уведут этих двоих. Я не стал задавать лишних вопросов. Мое лицо оставалось непроницаемым. Я медленно, без суеты поднялся со своего места, сложил чистые пергаменты в сумку, закинул ее на плечо и спустился по длинным ступеням амфитеатра. Краем глаза я заметил, как Джестенис так же молча, словно приговоренный к казни, поднялся со своего места. Его лицо было очень бледным, челюсти плотно сжаты, на скулах выступили желваки.

Мы вышли в прохладный гулкий коридор, и дверь за нами тихо закрылась, отрезая нас от нормальной студенческой жизни. Элирия, не оборачиваясь и не утруждая себя долгими объяснениями, быстрым размеренным шагом направилась в сторону закрытого восточного крыла Академии — туда, где за высокими глухими стенами располагались тренировочные полигоны для старшекурсников.

Мы с Джестенисом шли следом. Тишину нарушал лишь мерный стук наших каблуков по каменному полу. В какой-то момент Элирия немного оторвалась от нас, погруженная в свои невеселые мысли. Мы шли рядом, плечом к плечу, и она нас не замечала.

Я уже мысленно приготовился к очередной порции словесной желчи, глупых претензий или агрессии, которыми он так щедро осыпал меня три энда назад. Я ждал, что он начнет обвинять меня в том, что нас куда-то тащат. Но парень вдруг сбился с шага, немного отстал, а затем решительно поравнялся со мной и заглянул мне в лицо.

— Димитрий, — негромко, но на удивление твердо окликнул он меня.

Я медленно повернул голову и окинул его ровным, ничего не выражающим взглядом.

— Слушаю.

Джестенис вблизи выглядел откровенно изможденным и больным. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие темные тени, красноречиво свидетельствовавшие о долгих бессонных ночах и постоянных кошмарах. В нем больше не было слепой животной уверенности в своем абсолютном превосходстве над окружающими.

— Я... — он тяжело сглотнул, словно проталкивая сухой колючий ком в горле. Было видно, как тяжело ему даются эти слова, как мучительно он переступает через свою гордость. Но он заставил себя посмотреть мне прямо в глаза. — Я хочу извиниться. Перед тобой. За всё, что было раньше. За свои слова, за угрозы и за то, как по-скотски я вёл себя в начале года.

Я слегка приподнял бровь, не сбавляя размеренного шага и не меняя выражения лица.

— Неожиданно. И что же изменилось, Джестенис? Слава убийцы сектантов заставила тебя резко пересмотреть свое отношение ко мне? Боишься, что я сожгу твой источник во сне?

Парень болезненно поморщился, приняв мой сарказм как заслуженную пощечину, но взгляда не отвел.

— Изменилось абсолютно всё, — глухо, с затаенной горечью ответил он. — В ту ночь в коллекторе... когда мы все наконец поняли, что культ Неопалимого был прямо среди нас, спал в соседних комнатах, я осознал, какое же я на самом деле жалкое ничтожество.

Он нервно, дрожащей рукой провел по растрепанным волосам, глядя куда-то вперед, на удаляющуюся спину бывшей инквизиторши.

— Ты же знаешь, как это бывает у перерожденцев, Димитрий. Мы все здесь чужие. Когда я очнулся в этом теле и моя магия начала проявляться, моя настоящая семья, мои родители... они просто вышвырнули меня на улицу. Как паршивого пса. Для них я стал одержимым демонами. Чужаком, вселившимся в тело их сына. Они отвернулись от меня, как от прокаженного. Им было плевать на мои чувства.

В его сорвавшемся голосе зазвучала застарелая, разрывающая душу боль человека, которого предали и выбросили на помойку самые близкие люди. Боль, которую я, оставшийся совсем один в этом чужом мире, слишком хорошо понимал.

— Я попал в эту Академию и решил, что лучший способ выжить здесь, чтобы меня снова не сожрали, — это стать самым шумным, самым злым и агрессивным. Я огрызался на всех, лез в бессмысленные драки, потому что до одури, до паники боялся, что меня снова растопчут и вышвырнут за порог. Я кичился своей огненной маной, потому что больше у меня ничего не было. Ни имени, ни семьи, ни будущего. А потом появился культ. И я понял, что вся моя показная крутость — просто смехотворный пустяк по сравнению с настоящим фанатичным злом. Пока я изображал из себя вожака и тратил время на оскорбления, настоящий серийный убийца спокойно сидел рядом с нами и улыбался. Ты выжил там, где я бы просто сломался от страха и сдох, моля о пощаде. Мне правда очень жаль, что я вел себя как законченный идиот.

Я долго молчал, обдумывая его слова и вслушиваясь в интонации. Мой внутренний параноик, воспитанный предательством Метиаса, пытался найти подвох. Но в его длинном, сбивчивом признании не было ни капли фальши или попыток выслужиться. Только горькая, тяжелая правда о резком взрослении. Трагедия в подземельях грубо сорвала с него дешевую защитную маску агрессора, обнажив одинокого, до смерти напуганного парня, которого собственная семья выбросила на обочину жизни.

— Извинения приняты, Джестенис, — наконец ровно, уже без всякого сарказма, произнес я, глядя на него. — За эти три энда нам всем пришлось слишком быстро повзрослеть. Забудь об этом. Сейчас у нас проблемы посерьезнее, чем старые обиды первокурсников.

Он благодарно кивнул, и его плечи заметно расслабились, словно он сбросил с себя тяжелый мешок с камнями. Дальше мы шли за Элирией в полном молчании, каждый погруженный в свои невеселые мысли.

Вскоре бесконечные каменные коридоры закончились. Элирия вывела нас к высокой монолитной стене из темного шершавого камня, окружавшей восточный сектор Академии. Воздух здесь был совсем другим. Он вибрировал, гудел от колоссального переизбытка рассеянной боевой маны, а на зубах ощущался горьковатый привкус сторевавшего озона и пепла.

Элирия приложила ладонь к скрытой руне на стене, и тяжелая каменная плита бесшумно, как по маслу, отъехала в сторону, пропуская нас внутрь.

Мы оказались на огромном полигоне. Земля здесь была засыпана крупным, специально привезенным черным песком, который полностью поглощал звуки шагов и кровь. Над всей территорией мерцали полупрозрачные силовые купола невероятной плотности, удерживающие заклинания внутри периметра. Повсюду виднелись следы интенсивных тренировок: изрубленные каменные манекены, глубокие воронки в песке и оплавленные участки защитного барьера.

На краю полигона, отдыхая прямо на песке после спарринга, сидела группа студентов. Те самые легендарные бойцы «Альфы».

Я внутренне сжался, ожидая увидеть отмороженных психопатов, готовых наброситься на нас с ножами. Но реальность оказалась куда прозаичнее и оттого еще более напряженной. Это были просто уставшие, тренированные молодые люди. Да, у многих виднелись старые шрамы от неудачных блоков, да, их движения были хищными и выверенными, но они не походили на безумных сектантов. Они передавали друг другу фляги с водой, кто-то перевязывал запястье, кто-то тихо переговаривался. Слухи о «смертниках» явно были сильно преувеличены напу-

ганными первокурсниками. Это была просто элита. Те, кто выкладывался на пределе человеческих возможностей.

Увидев Элирию и нас, они неторопливо поднялись на ноги, отряхиваясь от песка. Вперед вышел огромный двухметровый парень. Он был шириной с хороший платяной шкаф, под его пропотевшей рубашкой перекачивались бугры литых мышц. Лицо этого громилы было грубым, нос когда-то давно был сломан и свернут набок, но в его глазах не было садистской злобы. Скорее, в них читалось тяжелое, оценивающее любопытство ветерана по отношению к новобранцам.

— Профессор Вальдрес, — низким рокочущим басом произнес здоровяк, вежливо кивнув Элирии. — Доброе утро. Привели нам пополнение?

— Я больше не куратор группы перерожденцев, Векрис, — ровным, немного усталым тоном ответила Элирия, останавливаясь перед ними. — Ректор официально назначил меня куратором «Альфы». С сегодняшнего дня эти двое переводятся в вашу группу. Я хочу проверить их базовые навыки в реальном спарринге. Двое на двое. Без ограничений по магии, но без серьезных увечий. Мне нужны живые и работоспособные студенты.

Векрис хмыкнул, разминая массивные плечи. От их группы отделилась девушка. Она была невысокого роста, очень хрупкая на вид, со светлыми волосами, собранными в короткий практичный хвост. У нее были поразительно глубокие, чистые голубые глаза, в которых читалась абсолютная, стопроцентная сосредоточенность на поставленной задаче. Она покрутила в руках короткие тренировочные клинки, двигаясь с потрясающей кошачьей ловкостью и грацией профессионального фехтовальщика.

— Сделаем, куратор, — Векрис громко хрустнул костяшками огромных пальцев. — Проверим, на что способна смена. Я беру парня, который уже искрит. Силия, этот спокойный брют — твой.

— Готов? — отрывисто бросил мне Джестенис, тяжело дыша.

Он молниеносно выхватил клинок из ножен и принял правильную боевую стойку. Яркая оранжевая огненная мана тут же хлынула по его меридианам, окутав тело плотным обжигающим коконом. Температура воздуха вокруг него заметно повысилась. Он был полон решимости и явно хотел доказать себе и всем остальным, что чего-то стоит в этом мире.

Я не ответил. Я смотрел на приближающуюся ко мне светловолосую Силию. Мой разум был предельно холоден. Я потянулся к своему внутреннему источнику, намереваясь, как обычно, выпустить часть золотой маны Созидания, поставить прочный щит Света и многократно усилить мышечный каркас.

Но внутри меня, в самой глубине моего существа, внезапно вспыхнул бунт с катастрофической, парализующей силой.

Едва я мысленно потянулся к светлой половине своего источника, как очищенная ледяная мана Разрушения, занимавшая вторую его половину, вздыбилась с пугающей первобытной яростью. С тех пор как я выжег из нее зеленую Скверну Бездны, эта первозданная Тьма стала невероятно агрессивной и требовательной. Она категорически не желала оставаться в стороне в момент опасности. Она почувствовала угрозу, почувствовала боевую ауру приближающихся противников и теперь требовала немедленного выхода. Тьма ревела в моем подсознании, требуя нанести удар наотмашь, разорвать эту светловолосую девчонку на части, превратить песок под ее ногами в мертвый пепел.

В животном, паническом ужасе я мысленно нажал на тормоз, намертво перекрыв этот черный смертоносный поток.

Если я высвобожу Разрушение здесь, на открытом полигоне, на глазах у Элирии и старшекурсников, я не просто убью их. Я раскрою тайну своей невозможной дуальной магии. Тайну трещины. Но сейчас, в состоянии острого боевого стресса, эти две противоположные силы — Созидание и Разрушение — впервые вступили в жесткий, непримиримый конфликт внутри

меня. Они намертво уравнивали друг друга, сцепившись в глухую, неразрешимую мертвую петлю.

Мой внутренний источник заблокировался с глухим, болезненным ментальным щелчком, отдавшимся в висках. Поток маны полностью иссяк. Меридианы опустели. Впервые с тех пор, как я попал в этот мир, я был абсолютно пуст. Без единой капли магии. Как обычный, ни на что не способный человек на арене со львами.

— Начали! — резко скомандовала Элирия.

Джестенис с яростным боевым кличем бросился вперед, выпустив из клинка веер раскаленных огненных серпов. Огромный Векрис даже не подумал уклоняться. Он просто шагнул прямо в бушующее пламя. Его кожа на глазах приобрела серый, плотный, как камень, оттенок — защита стихии земли. Громила с размаху ударил тяжелым кулаком, сминая пламя, как тонкую бумагу.

Джестенис, не ожидавший такой пробивной мощи, попытался уйти в сторону, но его огненный щит дрогнул и погас на долю секунды. Этого хватило Векрису. Он явно не рассчитал силу удара по первокурснику, потерявшему защиту, и по инерции врезал Джестенису прямо в грудь.

Раздался влажный тошнотворный хруст ломающихся костей.

В ту же долю секунды Силия бросилась на меня.

Мои рефлексy, отточенные тренировками, сработали сами собой. Я перекатился по черному песку, чувствуя, как тупое лезвие ее тренировочного клинка со свистом рассекает воздух ровно там, где только что была моя шея. Я вскочил на ноги и отчаянно попытался создать хотя бы простейший базовый магический щит, но руки были пусты. Магии по-прежнему не было. Я был совершенно беззащитен перед элитным бойцом.

Светловолосая девушка не дала мне и секунды на раздумья. Она не была садисткой, она просто делала свою работу — проверяла новичка на прочность. Она двигалась невероятно быстро, обрушивая на меня град выверенных, техничных ударов. Я блокировал один выпад предплечьем, уклонился от второго, но ее скорость и техника владения оружием были предельными. Жесткий хлесткий удар ногой под колено заставил меня потерять равновесие и пошатнуться. Затем тяжелая рукоять ее клинка с глухим стуком врезалась мне в скулу, отбросив меня в сторону. Во рту тут же появился теплый солоноватый привкус крови.

— Почему ты не используешь ману? — с легким удивлением, но не сбавляя темпа, спросила она, и ее голубые глаза сузились.

Я попытался подняться, сплевывая кровь, но Силия уже была рядом. Короткая безупречная подсечка — и я снова тяжело рухнул спиной на жесткий песок. Не давая мне опомниться, она жестким профессиональным движением прижала меня к земле, заломила руку за спину — ровно настолько, чтобы причинить боль, но не сломать сустав. Меня избили в пух и прах, методично, быстро и абсолютно по правилам ближнего боя.

В нескольких метрах от меня разворачивалась настоящая драма. Векрис с ужасом смотрел на свои руки, а затем на Джестениса, который безвольно, как сломанная кукла, лежал на песке. Изо рта парня шла кровь, он судорожно хрипел, не в силах вздохнуть.

— Бездна... он выронил щит! Я не хотел так сильно! — растерянно, с искренней паникой в голосе пробасил Векрис, бросаясь к поверженному противнику, чтобы как-то помочь ему. — Профессор, сюда, скорее!

— Всем назад! — Элирия коршуном бросилась к лежащему без сознания Джестенису. Она мгновенно оттолкнула побледневшего здоровяка и начала быстро, профессионально ощупывать грудную клетку парня. Ее лицо потемнело от тревоги.

— Пробито легкое, сломаны три ребра, — процедила она. — Векрис, быстро за врачами, пусть несут носилки!

Громила, виновато опустив голову, помог подоспевшим големам-носильщикам. Они бережно, стараясь не потревожить переломы, подхватили изломанное тело Джестениса и быстро понесли его прочь с полигона в сторону госпитального крыла.

Хватка на моей вывернутой руке мгновенно ослабла. Силия легко отскочила в сторону, убирая клинки.

— Извини, — коротко бросила она мне, тяжело дыша. — Я думала, ты сможешь отразить мою атаку. Ты же Уникум.

Я медленно, с огромным трудом перевернулся на спину и сел, судорожно хватая ртом воздух. Все тело невыносимо ныло от жестких ударов о песок.

Элирия быстрым шагом подошла ко мне. В ее глазах не было разочарования, только глубокая, почти материнская тревога за своего студента.

— Твой источник, Димитрий, — мягко, с искренним беспокойством произнесла она, наклонившись и внимательно глядя в мое разбитое лицо. — Я все видела. Ты даже не попытался защититься с помощью магии. У тебя не было истощения. Твой источник заблокирован.

— Не смог, — так же тихо, сквозь стиснутые зубы ответил я, с трудом поднимаясь на непослушные ноги и отряхиваясь. — Мана просто меня не слушается. Какой-то внутренний конфликт.

— Тебе нужно пойти в госпиталь вместе с Джестенисом, — она осторожно положила руку мне на плечо. — А потом мы в спокойной обстановке попробуем снять этот блок. Я тебе помогу. Ректор слишком торопит события.

— Нет, — я аккуратно, но твердо сбросил ее руку со своего плеча.

Холодный прагматизм полностью вытеснил физическую боль. Я посмотрел на Элирию. Она смягчилась, она действительно хотела помочь, хотела защитить нас от жестокости этого места. Но главная проблема заключалась в том, что мой разум был расколот. Если Элирия, даже из лучших побуждений, попытается проникнуть в мой источник, чтобы снять блок, она увидит первозданную Тьму. Увидит взгляд Неопалимого. И тогда она будет вынуждена уничтожить меня, чтобы спасти мир.

— Мне не нужны лекари, профессор, — ровным, безжизненным голосом ответил я. — И с блоком я разберусь сам. У меня на сегодня другие планы.

Я развернулся и, тяжело прихрамывая, пошел прочь с полигона. Мне не нужна была ее забота. Мне нужны были ответы.

Спустя два часа, с трудом смыв с себя грязь и кровь полигона и переодевшись в чистый сюртук, скрывающий наливающиеся синяки, я стоял перед массивными дверями, окованными черным железом. Это был самый глубокий и скрытый от посторонних глаз подвал Главной башни Академии. Воздух здесь был невероятно тяжелым, спертый, пропитанным запахом многовековой пыли и истлевшего пергамента.

У железных створок неподвижно замерли два исполинских голема-стража, сжимая в металлических руках тяжелые боевые алебарды.

— Особый архив, — бездушным голосом произнес правый страж, скрестив оружие. — Вход воспрещен.

Я молча достал из внутреннего кармана пропуск и развернул его перед ними. Плотный пергамент вспыхнул золотым светом, демонстрируя личную печать ректора. Големы отсканировали подпись, и их оружие с громким лязгом поднялось.

Тяжелые створки со зловещим протяжным скрежетом медленно распахнулись, открывая проход в вечный, нерушимый полумрак.

Я знал, что внутри, за этими дверями, хранятся знания, которые сотни лет назад безжалостно сжигали на кострах. Религия этого мира утверждала, что всем управляют Светлые Боги. Именно они на заре времен объединились, чтобы противостоять Неопалимому. Чтобы соткать

из ткани мироздания идеальную, нерушимую Клетку для падшего, им пришлось пожертвовать огромной частью своих сил.

И если я нарушил этот фундаментальный замысел, соединив воедино две противоположности и став Ключом, то мне было жизненно необходимо узнать тайны этой тюрьмы. И самое главное — найти способ залатать растущую трещину в своем разуме.

Я глубоко вдохнул, отгоняя лишние мысли, и решительно переступил порог Особого архива. Впереди меня ждала новая жизнь, и я должен был встретить ее во всеоружии, найдя собственное оружие против Скверны.

Глава 5

Тишина Особого архива была не просто отсутствием звуков; она казалась осязаемой, тяжелой, как многовековой слой пыли, покрывавший бесконечные ряды книжных стеллажей. Едва тяжелые, окованные черным железом двери сомкнулись за моей спиной, отрезав меня от гулких коридоров Главной башни, я почувствовал, будто погрузился в плотный густой кисель. Воздух здесь был неподвижен и пропитан запахом старого пергамента, истлевшей кожи и едва уловимым тревожным ароматом древней, застоявшейся магии.

Я осторожно шагнул вперед, и стук моего каблука о каменные плиты пола прозвучал неестественно громко, словно пушечный выстрел, эхом прокатившись под высокими сводами. Я невольно замер, прислушиваясь. Ничего. Лишь слабое, призрачное мерцание магического мха, растущего в расщелинах между камнями, освещало узкий проход, уходящий в бесконечную темноту.

Мой взгляд скользнул по ближайшему стеллажу. Фолианты в человеческий рост, крошечные свитки в костяных футлярах, книги, переплетенные в чешую неведомых тварей... Здесь хранились знания, способные возвысить королевства или стереть их с лица земли. И теперь, благодаря сделке с ректором Дранвелем Кхарггримом, этот океан мудрости — или безумия — был у меня перед глазами.

Внутри меня снова шевельнулось то странное, леденящее душу чувство, которое преследовало меня с момента пробуждения в этом мире. Трещина Скверны в моем подсознании пульсировала, словно реагируя на концентрацию запретных знаний вокруг. Тонкая зеленоватая брешь на абсолютно черном небе моего внутреннего мира, оставленная мертвым богом, казалась ярче обычного. Мне были жизненно необходимы ответы. Мне нужно было понять, как залатать эту трещину, прежде чем Неопалимый, падший брат Богов, заточенный внутри одного из трёх солнц этого мира, вырвется из моего разума.

Я решительно направился вглубь Архива, ориентируясь на слабый свет, пробивавшийся сквозь лабиринт полок. Через сотню шагов проход расширился, открыв небольшую круглую площадку, которая, судя по всему, служила постом куратора.

Здесь, за массивным столом из мореного дуба, заваленным стопками ветхих пергаментов, сидела женщина.

Она была такой хрупкой и миниатюрной, что казалась почти ребенком, затерявшимся в огромном кресле. Ее белые, как свежесвыпавший снег, волосы были стянуты в тугую безупречный пучок, ни одна прядь не выбивалась наружу. Но самым примечательным в ее облике были очки — огромные, идеально круглые, в толстой роговой оправе. В них она была похожа на мудрую, но очень строгую сову.

Женщина не подняла головы, когда я подошел ближе. Она продолжала что-то быстро писать гусиным пером, скрип которого в этой тишине казался оглушительным. Я остановился перед столом, переминаясь с ноги на ногу. Ожидание затягивалось.

— Уважаемая... — начал я, решив привлечь к себе внимание.

Скрип пера мгновенно прекратился. Женщина медленно подняла голову, и я невольно отшатнулся. Сквозь толстые линзы очков на меня смотрели глаза невероятного, пронзительно-серого цвета. В них не было эмоций — только холодный, всепроникающий разум и бесконечное терпение хранителя вечности.

Она прижала указательный палец с идеально подстриженным ногтем к своим тонким губам.

— Тише, адепт, — произнесла она. Голос ее был тихим, сухим, как шелест опавшей листвы, но в нем звучала непреклонная сила, не терпящая возражений. Каждое слово было

выверено и отчеканено. — Вы находитесь в Особом архиве академии. Здесь не кричат. Здесь не топают ногами. Здесь даже думают осторожно, чтобы не потревожить покой спящих истин.

Я почувствовал, как к горлу подступает ком. В ее присутствии я ощущал себя неотесанным варваром, ворвавшимся в святилище.

— Простите, — прошептал я, стараясь говорить как можно тише и подражая ее манере. — Я не хотел...

— Встаньте прямо, адепт, — перебила она меня, окинув оценивающим взглядом. Перо в её руке дернулось, словно указывая на мою осанку. — Спина должна быть прямой, взгляд — ясным, а манеры — безупречными. Этикет — это не пустая формальность, это защита разума от хаоса, с которым мы здесь сталкиваемся. Я — мадам Агнесса, хранительница этого архива. И пока вы здесь, вы будете соблюдать все правила, установленные веками.

Она снова опустила взгляд на пергамент, давая понять, что аудиенция не то чтобы окончена, но требует перерыва. Я подавил вздох раздражения и выпрямился, стараясь придать лицу выражение глубочайшего почтения. Мне хотелось закричать от нетерпения, схватить ее за плечи и потребовать книги, но я понимал, что в этом месте, с этой женщиной, сила не поможет. Только терпение.

Через минуту мадам Агнесса снова подняла на меня глаза.

— Итак, — сухо произнесла она, откладывая перо и аккуратно промокая написанное песком. — С какой целью вы прибыли? И, что еще важнее, кто позволил вам, первокурснику, переступить этот порог?

Я, помня о ее наставлениях, сделал глубокий вдох и заговорил медленно, четко выговаривая каждое слово:

— Уважаемая мадам Агнесса. Меня зовут Димитрий. У меня есть пропуск в архив завершенный ректором.

С этими словами я достал из внутреннего кармана сюртука свернутый в трубочку пергамент, скрепленный сложной печатью ректора, пульсирующей золотым светом. Аккуратно, без резких движений, я положил его на стол перед куратором.

Мадам Агнесса окинула меня долгим непроницаемым взглядом, затем протянула сухую, почти прозрачную руку и взяла пропуск. Она не стала сразу его разворачивать. Сначала ее пальцы медленно пробежались по золотой печати, проверяя ее подлинность на магическом уровне.

Убедившись, что печать настоящая, мадам Агнесса развернула пергамент. Ее серые глаза быстро пробежались по строчкам, написанным размашистым почерком ректора-гнома. Во время чтения ее брови едва заметно приподнялись, но это была единственная эмоция, которую она себе позволила.

Она аккуратно свернула пропуск и положила его на стол, придавив ладонью.

— Пропуск первого уровня... — медленно произнесла она, и в её голосе прозвучали нотки сухого удивления. — Ректор Кхаргрим редко балует адептов столь высокими привилегиями. Особенно перерожденцев. Особенно тех, чья история столь... туманна.

Она посмотрела на меня сквозь очки, и мне показалось, что она видит меня насквозь — не только тело, но и душу. Этот взгляд был невыносим.

— Тем не менее печать подлинная, — продолжила она, и я с облегчением выдохнул. — А значит, я обязана предоставить вам доступ.

Я, не в силах больше сдерживаться, подался вперед, стараясь, однако, не шуметь:

— Благодарю вас, мадам Агнесса. В таком случае я хотел бы немедленно приступить к работе. Меня интересует всё, что связано со Скверной, её природой, методами противодействия и, что самое важное, с Клеткой Неопалимого. Мне нужны труды о природе Неопалимого и истории его заточения богами.

В зале повисла тишина. Скрип гусяного пера, которое Агнесса снова взяла в руки, казался мне насмешкой. Куратор медленно подняла голову. Сквозь толстые линзы очков не было видно ее глаз — только холодное, пронизывающее сияние.

— Вы шутите, адепт Димитрий? — произнесла она, и каждое её слово было подобно удару молота по наковальне.

— Нет, я совершенно серьёзен... — начал было я, но она остановила меня ледяным жестом.

— Скверна? Бездна? Клетка? — ее голос, по-прежнему тихий, вибрировал от сдерживаемого гнева и... страха? Нет, скорее от глубочайшего презрения к моему невежеству. — Вы хоть понимаете, о чем просите? Эти темы — не просто запретные знания. Это сама Смерть, облеченная в слова и руны. Одно неосторожное слово, один неверный взгляд на печать — и этот архив, эта академия, это королевство перестанут существовать. И вы — первокурсник, перерожденец, едва научившийся управлять своей маной, — требуете доступа к этому?

Я выпрямился, стараясь сохранять невозмутимый вид, хотя внутри у меня все сжалось от ее слов.

— Мадам Агнесса, я понимаю, что рискую. Но у меня есть полномочия ректора. Сделка...

— Пропуск от ректора Дранвеля, — перебила она, — дает вам право находиться здесь и проводить исследования. Но он не отменяет здравый смысл и базовые правила магической безопасности. И, что самое важное, он не отменяет Устав Запретного архива, хранителем которого я являюсь.

Она подняла пропуск и помахала им в воздухе.

— Читайте внимательно, адепт. «Пропуск первого уровня». Это означает, что вам доступны только первые два раздела Архива. Первый раздел — «История магии и становление королевств». Второй — «Теория маны, элементарные крупноструктурные заклинания и общее магическое конструирование». — Она положила пропуск на стол. — Всё, что находится за пределами третьего раздела, включая Скверну, Бездну, некромантию высшего круга и ритуальную магию крови, недоступно для самостоятельного изучения.

— Но ректор обещал... — в отчаянии воскликнул я, нарушив тишину.

— Ректор Дранвель может обещать вам золотые горы, адепт Димитрий, — сухо оборвала она. — Но здесь действуют правила, написанные кровью его предшественников. Доступ в третью секцию и далее — только в сопровождении самого ректора или Верховного инквизитора Святой Люстреды. Вы прибыли один. Значит, вам нужно пройти в первые две секции.

Она указала пером на два узких прохода, уходящих во тьму по обе стороны от её стола.

— Слева — Первая секция. Справа — Вторая. — Она снова опустила взгляд на пергамент. — И помните о тишине, адепт. Я не буду повторять дважды. Если вы нарушите покой Архива или попытаетесь выйти за рамки дозволенного, указ ректора вам не поможет. Вас немедленно удалят и навсегда лишат доступа.

Я замер. Внутри меня боролись ярость, отчаяние и бессилие. Дранвель обманул меня. Гном дал мне пропуск, прекрасно зная, что Агнесса не подпустит меня к нужным книгам. Это была уловка, способ держать меня на коротком поводке. Ректор хотел, чтобы я приполз к нему на коленях и попросил проводить в третью секцию. Сделка с ректором была ловушкой.

Трещина Скверны в моем подсознании снова запульсировала, словно насмехаясь над моей неудачей. *«Ты слаб, перерожденец, — казалось, шептала просачивающийся голос Неопалимого. — Тебе не залатать эту брешь. Ты — лишь временное вместилище».*

Я стиснул зубы так, что заныли челюсти. Я не сдамся. Не сейчас. Я — Дмитрий с Земли, я пережил смерть, нападение секты, предательство друга. Я найду выход.

Не удостоив куратора взглядом, я резко развернулся и направился к правому проходу — во Вторую секцию. Хотя бы магия. Если я не могу найти прямых ответов о Скверне, я

должен стать сильнее, чтобы сдерживать ее. Мне нужно понять, как управлять своей душой, как выстроить барьер вокруг того Ключа, которым я стал.

Едва я переступил порог Второй секции, тишина стала еще более плотной. По обе стороны прохода возвышались стеллажи, уходящие в бесконечность. Книги здесь были другими — более современными, если так можно выразиться о трудах, которым по несколько сотен лет. Здесь пахло не столько пылью, сколько озоном, серой и свежескошенной травой — запахами активной стихийной магии.

Я медленно шел вдоль рядов, скользя взглядом по корешкам книг. «Основы магического конструирования», «Элементарный синтез: огонь и воздух», «Магия земли: крупноструктурные формы», «Теория маны и ее взаимодействие с душевной структурой». Последнее название заставило меня остановиться.

Я протянул руку и взял тяжелый фолиант в грубом переплете из коричневой кожи. Название обнадеживало. Книга оказалась на удивление старой для этой секции — пергамент пожелтел и крошился от времени. Я осторожно открыл ее, стараясь не шуметь.

Автор, некий архимаг Иоганн, описывал магию не как дар богов или результат ритуалов, а как точную науку. Мана — это энергия, разлитая в мире, а душа — инструмент, с помощью которого маг может манипулировать этой энергией. По словам Иоганна, структура души подобна сложному артефакту, который можно настраивать, усиливать и даже... модифицировать.

Я жадно вчитывался в строки. Это было именно то, что мне нужно. Иоганн описывал техники, позволяющие магу напрямую взаимодействовать со своей душой, изменять ее резонанс, создавать внутренние магические контуры и замкнутые защитные барьеры.

«Чтобы изолировать внутреннюю энергетическую аномалию внутри души, необходимо создать замкнутый контур маны, резонирующий на частоте, противоположной частоте этой энергии, — писал Архимаг. — Создание такого барьера требует колоссальной концентрации и безупречного контроля над маной. Один неверный шаг — и давление разорвёт душу мага на части».

Я почувствовал, как участился мой пульс. Это был ответ. Не прямой метод уничтожения Скверны, а способ защиты. Способ, который позволил бы мне возвести стены вокруг трещины в собственном разуме.

Я погрузился в чтение, забыв о времени, о мадам Агнессе, о Дранвеле и о том, что нахожусь в Запретном архиве. Часы летели как минуты. Схемы, рунические цепи, описания медитативных техник... Я впитывал информацию как губка. Я понимал, что-то, что описывает Иоганн, — это высшая магия, доступная далеко не каждому магистру. Но у меня не было выбора.

Однако чем дальше я читал, тем яснее понимал, что чего-то не хватает. Иоганн описывал методы изоляции *внутренней* хаотичной маны — например, если маг по неосторожности перегрузил свой источник. Но трещина Скверны внутри меня была другой. Это была внешняя, чужеродная порча Неопалимого, проникшая в мое сознание. Методы Иоганна давали мне лишь инструмент для создания «стен», но мне нужно было оружие, чтобы сжечь саму заразу внутри этих стен. Мне нужна была Святая магия.

Я с досадой захлопнул книгу. Иоганн дал мне знания об архитектуре, но не Ключ к уничтожению Скверны.

Мне нужно было что-то еще. Если я хочу залатать трещину и не дать Скверне распространиться, я должен использовать магию Света, чтобы он выжиг сочащуюся заразу.

Я поставил книгу архимага Иоганна на место и направился дальше, вглубь Второй секции, туда, где, по моим расчетам, должны были находиться труды по магии Света.

Этот отдел оказался гораздо меньше остальных. И неудивительно — магия Света в этом мире была прерогативой Церкви и Инквизиции. Академия, хоть и обучала основам, редко

углублялась в эту тему. Но здесь, в Особом архиве, должны были храниться труды, исключенные из официальной истории.

Я шел вдоль рядов, вчитываясь в названия: «Основы Божественного Света», «Свет: теория и практика исцеления», «Защитные барьеры Света», «Освященное оружие». Все это было стандартным, понятным и... бесполезным для моих целей. Мне не нужно было исцелять порезы или создавать щиты от мечей. Мне нужно было сжечь Скверну.

Я уже почти отчаялся, когда мой взгляд зацепился за тонкий неприметный фолиант в самом углу нижней полки. Книга была переплетена в потемневшее от времени серебро, покрытое сложным узором из рун. Название было стерто, но руны... они были необычными. В них чувствовалось что-то древнее, мощное и... невероятно опасное.

Я осторожно взял книгу. Серебро было холодным на ощупь, словно книга была сделана из льда. Трещина Скверны в моем подсознании снова запульсировала, но на этот раз — со страхом. Сочающаяся сквозь нее Тьма почувствовала явную угрозу, исходящую от переплета.

Это было оно.

Я, стараясь дышать ровно, открыл книгу. Страницы были сделаны из странного пергамента. Текст был написан на древнем диалекте, но рунические схемы были универсальными.

Это был труд архимага Иллидиана, мага, жившего задолго до появления нынешних королевств. Иллидиан не был клириком или инквизитором. Он был исследователем. И он изучал Свет не как милосердный дар богов, а как безжалостную фундаментальную силу мироздания. Силу, созданную для уничтожения Бездны.

Иллидиан описывал Свет не как энергию защиты, а как энергию аннигиляции. Он называл это «Священным пламенем» — магией Света, способной выжечь Скверну дотла, расщепить ее на атомы, вернув в первозданное ничто.

«Тьма Бездны — это не просто отсутствие Света, — писал Иллидиан. — Это активное проявление Хаоса, стремящегося сожрать Порядок. Чтобы победить Тьму, недостаточно поставить щит. Тьму нужно выжечь. Священное пламя — это концентрированный Свет, который воздействует только на Скверну. Оно не причиняет вреда ничему чистому, но для порождений Скверны оно страшнее любого огня».

Я жадно вчитывался в строки, переходя от одной рунической схемы к другой. Иллидиан описывал техники, позволяющие магу преобразовывать свою ману Света в это всепоглощающее Священное пламя.

Это было то самое оружие, которое я искал.

Но Иллидиан также подробно описывал возможные риски. Для использования пламени требовался безупречный контроль. Один неверный шаг, одно мгновение слабости — и Священное пламя могло выйти из-под контроля.

«Священное пламя — обоюдоострый меч, — предупреждал Архимаг. — Оно уничтожает Скверну, но может уничтожить и самого мага, если он не чист. Ваша душа должна стать Священным очагом. Если внутри вас есть тьма — пусть даже самая крошечная песчинка, — Священное пламя выжжет ее вместе с вами».

Я почувствовал, как к горлу подступает ком. Внутри меня *была* тьма. Тьма была частью меня, моего источника наравне со светом. Если Иллидиан прав, то попытка применить Священное пламя приведет к тому, что магия просто сожжет мою душу дотла, пытаясь уничтожить саму тьму моего источника.

Трещина в моем подсознании торжествующе запульсировала. *«Ты слаб, перерожденец, — насмешливо шептал Неопалимый. — У тебя нет выхода. Прими меня».*

Я снова впал в холодную, контролируемую ярость. Нет. Я не приму. Иллидиан описывал обычных магов Света. А во мне Свет и Тьма были вынуждены сосуществовать. Мне нужно было как-то модифицировать методы Иллидиана. Использовать изолирующие контуры Иоганна как жёсткий направляющий барьер. Я должен был создать «трубу» из маны

внутри своей души, чтобы направить Священное пламя прямо на трещину, выжигая сочащуюся Скверну, но не позволяя пламени перекинуться на остальную часть моего разума.

Я углубился в изучение рунных схем, пытаюсь найти математический способ объединить несовместимое — Священное Пламя и защитные барьеры душевной структуры. Схемы Иоганна по манипулированию душой, формулы Иллидиана по концентрации Света... В моей голове со скрипом начали складываться сложнейшие логические цепочки. Я понял, как можно модифицировать контуры маны, как использовать резонанс души в качестве предохранителя.

Это было безумие. Высшая магия, смешанная с теоретическими выкладками давно умерших магов. Попытка создать нечто новое, самоубийственное, чего еще не видел этот мир. Но у меня не было выбора. Я должен был стать Светом, чтобы выжечь Тьму, и использовать холодный расчет, чтобы этот Свет не уничтожил меня самого. Я должен был стать абсолютным равновесием.

Часы летели, но я больше не замечал времени. Я был полностью поглощен работой. Моя рука быстро скользила по пергаменту, зарисовывая модифицированные схемы. Я не знал, работает ли это. Не знал, выживу ли после первой попытки применить это на практике. Но я знал, что это мой единственный шанс залатать трещину в разуме и не дать Неопалимому прорваться в этот мир через меня.

Глава 6

Воздух за пределами Особого архива показался мне невероятно легким, почти пьянящим. Когда за моей спиной с глухим лязгом сомкнулись массивные железные створки, а големы-стражи вновь скрестили свои глефы, я на мгновение прислонился спиной к холодной каменной стене и закрыл глаза.

Голова гудела. Сознание было перегружено сложнейшими руническими схемами, формулами архимага Иоганна и разрушительными концепциями Иллидиана. Я чувствовал себя так, словно в мой мозг насильно впили объем знаний, рассчитанный на десятилетия кропотливого изучения, и теперь этот массив информации пытался уложиться по полочкам, вызывая легкую тошноту и пульсацию в висках.

Но вместе с физической усталостью пришло и кое-что еще. Надежда. Впервые с тех пор, как я осознал истинную природу зеленоватой трещины в своем подсознании, я перестал чувствовать себя обреченной жертвой. У меня появилась теория. У меня появился план. Безумный, граничащий с самоубийством, нарушающий все мыслимые законы магии, но — план.

Я оттолкнулся от стены и медленно побрел по пустынным, тускло освещенным коридорам подземелья к лестнице. Шаги отдавались гулким эхом. Академия спала. Ночная тишина убаюкивала, но я знал, что расслабляться нельзя. Скверна внутри меня никогда не дремала. Она ворочалась, недовольная тем, что я нашел способ сопротивляться. Я физически ощущал ее липкое, ядовитое недовольство.

Поднявшись на первый этаж Главной башни, я вышел во внутренний двор. Ночной воздух, прохладный и свежий, ударил мне в лицо, окончательно прогоняя остатки библиотечного оцепенения. В небе ярко сияла огромная луна, заливая серебристым светом вымощенные белым камнем дорожки.

Я направился в сторону своего общежития. Мысли уже начали выстраиваться в подобие тренировочного графика. Мне нужно было место, где я смогу безопасно медитировать. Нужно было научиться выстраивать изолирующие контуры Иоганна, прежде чем я хотя бы попытаюсь призвать искру Священного пламени Иллидиана. Один неверный шаг...

Мои размышления прервались, когда я свернул на аллею, ведущую к мужскому корпусу.

У входа в здание, прямо под светом магического фонаря, стояла одинокая фигура. Темный, облегающий плащ, накинутый поверх простой одежды, скрывал фигуру, но эту осанку и пепельные волосы, переливающиеся в лунном свете, я узнал бы из тысячи.

Элирия.

Она стояла неподвижно, скрестив руки на груди, и смотрела в ту сторону, откуда должен был появиться я. Увидев меня, она не сдвинулась с места, лишь слегка выпрямилась. В ее позе чувствовалось напряжение.

Я ускорил шаг, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие. Командующая Инквизицией, пусть и бывшая, не стала бы ждать первокурсника посреди ночи у дверей общежития без очень веской причины.

— Профессор Вальдрес, — негромко произнес я, остановившись в нескольких шагах от нее. — Что-то случилось? Снова проблемы с моим источником или ректор передумал насчет сделки?

Элирия медленно покачала головой. В свете фонаря ее лицо казалось бледным, а под глазами залегли тени усталости.

— Ректор здесь ни при чем, Димитрий. И твой источник тоже, — ее голос звучал непривычно глухо. — Дело в Метиасе.

Услышав это имя, я почувствовал, как внутри меня все похолодело. Имя предателя. Имя существа, которое делило со мной хлеб, улыбалось мне, а затем хладнокровно, с фанатичным блеском в глазах, устроило резню в академии. Имя того, кто был виновен в смерти Мерелианы.

Трещина Скверны в моем подсознании радостно запульсировала, отзываясь на вспышку моей неконтролируемой ненависти. Усилив воли, следуя инструкциям, только что прочитанным в Архиве, я попытался мысленно возвести стену вокруг своих эмоций. Глубокий вдох. Выдох.

— Что с ним? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и отстраненно. — Я думал, он гниет в самых глубоких казематах Инквизиции. Я выжиг его источник. Он больше не маг. Он просто кусок мяса.

— Он гниёт заживо, — кивнула Элирия, и в её глазах мелькнула жёсткость. — Но он слишком важная шишка. Верховный жрец культа Неопалимого, внедрившийся в самое сердце Академии. Трибунал выжал из него всё, что мог. Завтра на рассвете за ним прибудет особый конвой.

Она шагнула ко мне и понизила голос до заговорщического шепота:

— Его перевозят в столицу, Димитрий. В Керн. Трибунал принял решение. Скрывать нападение культа на Академию больше невозможно, слухи уже распространились по всем королевствам. Церкви и Короне нужно показать свою силу, продемонстрировать, что они контролируют ситуацию.

— Публичная казнь, — догадался я.

— Да, — подтвердила она. — Показательная. На главной площади столицы, перед тысячами людей. Его казнят как еретика и убийцу. Это политический ход, призванный успокоить знать и запугать оставшихся сектантов. Как только конвой покинет территорию Академии, он перейдет под юрисдикцию столичной гвардии.

Я молчал, переваривая информацию. Метиас умрет. Завтра или через несколько дней — неважно. Его жизнь кончена. Справедливость, пусть и в таком извращенном, политизированном виде, восторжествует.

Но почему это не приносило облегчения? Почему пустота внутри меня не заполнялась чувством мести?

— Зачем вы пришли мне об этом рассказывать посреди ночи? — прямо спросил я, глядя ей в глаза. — Чтобы я спал спокойнее? Или вы боитесь, что секта попытается отбить его по дороге?

Элирия тяжело вздохнула, провела рукой по лицу и посмотрела на меня с пугающей проницательностью.

— Завтра Метиас исчезнет из твоей жизни навсегда. И я подумала... подумала, что ты, возможно, захочешь увидеться с ним перед этим. Задать вопросы, которые не успел задать. Или просто посмотреть в глаза чудовищу, зная, что оно повержено. Если ты не сделаешь этого сейчас, у тебя больше никогда не будет такой возможности. Ты будешь прокручивать этот диалог в голове годами. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Мое сердце пропустило удар. Увидеть Метиаса. Снова оказаться с ним в одной комнате.

Внутри меня мгновенно поднялась буря. Одна часть меня, рациональная и хладнокровная, кричала, что это бессмысленно. Что Метиас — всего лишь фанатик, пешка Неопалимого, и разговор с ним ничего не изменит. Но другая часть... та, что помнила смех Мерелианы, та, что была предана первым же человеком, назвавшимся другом в этом чужом мире, — жаждала этого.

И еще там была трещина. Скверна хотела, чтобы я пошел туда. Она тянулась к своему слуге.

Я закрыл глаза, вызывая в памяти схемы Иоганна. Представил, как вокруг моего внутреннего источника выстраивается кольцо из плотной, светящейся маны, отсекая шепот Тьмы. Я должен контролировать себя. Я не могу позволить эмоциям взять верх.

Открыв глаза, я твердо посмотрел на Элирию.

— Вы можете меня к нему провести? — спросил я. — Разве это не нарушение устава? Завтра передача конвою, наверняка уровень секретности максимальный.

— Нарушение, — не стала отрицать она, и на ее губах появилась слабая, горькая усмешка. — Но я все еще имею допуск высшего уровня к темнице Академии. И стража там — это мои люди, те, с кем я служила. Я смогу провести тебя. На пятнадцать минут. Не больше.

— Идемте, — коротко бросил я.

Мы шли в молчании. Элирия вела меня не к Главному корпусу, а к неприметному каменному строению на самом краю территории Академии, примыкающему к внешней стене. Внешне оно походило на старую хозяйственную пристройку или склад инвентаря, но стоило нам подойти ближе, как я кожей ощутил давящую, тяжелую ауру этого места.

Антимагическое поле.

Здесь оно было настолько плотным, что у меня мгновенно заложило уши, а во рту появился металлический привкус крови. Мой источник, и без того заблокированный внутренним конфликтом, сжался в крошечную точку, намертво отрезанный от внешнего мира. Любой маг здесь превращался в обычного, беззащитного смертного.

У массивной железной двери, скрытой в тени деревьев, дежурили два инквизитора в полной боевой броне. Они не были големами, но стояли так же неподвижно. Увидев Элирию, они синхронно ударили кулаками в нагрудники, отдавая честь.

— Командующая, — произнес один из них из-под глухого шлема.

— Вольно, капитан, — кивнула она. — Мне нужно в блок смертников. Камера три. Откройте проход.

— Прошу прощения, Командующая, но у нас строгий приказ Трибунала. Передача завтра на рассвете. Никто не должен...

— Капитан, — голос Элирии лязгнул сталью, и от ее мягкости не осталось и следа. Сейчас передо мной стояла та самая безжалостная глава Инквизиции. — Я сказала: откройте проход. Это приказ. Всю ответственность я беру на себя.

Стражник на мгновение замаялся, но привычка подчиняться этой женщине взяла верх. Он кивнул напарнику, и тот приложил к замку сложный, многогранный амулет. Дверь со скрежетом отворилась, дохнув на нас сыростью, холодом и запахом застарелого страха.

Мы спустились по узкой винтовой лестнице глубоко под землю. Коридоры тюрьмы Инквизиции разительно отличались от тех, что я видел в Особом Архиве. Здесь не было величественной древности. Здесь были только голые, мокрые каменные стены, железные решетки и тусклый свет факелов. Тишину нарушало лишь капание воды и изредка — глухие, неразборчивые стоны из глубины камер.

Элирия уверенно вела меня по лабиринту коридоров, пока мы не остановились перед массивной сплошной железной дверью с небольшим смотровым окошком, закрытым заслонкой. На двери была выбита цифра «3».

По бокам стояли еще двое стражников. Элирия жестом приказала им отойти в конец коридора. Когда мы остались одни, она повернулась ко мне.

— Слушай меня внимательно, Димитрий, — прошептала она, и в ее глазах читалась серьезная тревога. — Ты выжег ему источник, он физически не может колдовать. Кроме того, на нем кандалы из метеоритной стали, подавляющие остаточные эманации. Он не причинит тебе вреда. Но...

Она запнулась, подбирая слова.

— Но его разум сломлен. Инквизиторы работали с ним два месяца. Они вытягивали из него информацию методами, о которых тебе лучше не знать. Он может нести бред. Он может пытаться тебя спровоцировать. Что бы он ни сказал, помни: он лжец и сектант. Не позволяй ему лезть тебе в голову.

— Я понимаю, — ровным голосом ответил я.

Элирия кивнула, достала тяжелый железный ключ и вставила его в замочную скважину. Замок недовольно лязгнул.

— У тебя пятнадцать минут. Я буду ждать здесь.

Она толкнула дверь, и я вошел.

Камера была крошечной, три на три метра. Окон не было. Единственным источником света служил тусклый магический кристалл, вмурованный в потолок. Воздух здесь был спертым, пропитанным запахом пота, немытого тела, гноящейся крови и еще чего-то неуловимого, кисловатого. Запахом безумия.

В центре камеры, прикованный толстыми цепями к массивному железному стулу, сидел Метиас.

Я остановился в нескольких шагах от него, чувствуя, как по спине пробежал холодок. От блестящего, ухоженного и всегда безупречно вежливого человека, которым он притворялся, не осталось и следа.

Его светлые волосы слиплись от грязи и запекшейся крови, превратившись в жесткий колючий ком. Красивое лицо было изуродовано: нос сломан, на щеке зиял глубокий, плохо заживающий порез, а губы превратились в сплошное кровавое месиво. Он был одет в грязные, рваные лохмотья.

Но хуже всего было то, что я не чувствовал в нем маны. Совсем. Его аура была разорвана в клочья, источник зиял черной мертвой дырой. Я сам это сделал.

Услышав звук захлопнувшейся двери, Метиас медленно, с видимым трудом поднял голову. Его глаза, когда-то ясные и полные притворного дружелюбия, теперь были мутными, воспаленными, с лопнувшими капиллярами.

Он долго смотрел на меня, словно пытаясь сфокусировать зрение. Затем его разбитые губы медленно, болезненно искривились. Он попытался улыбнуться. Эта улыбка, обнажившая кровавые десны и выбитые зубы, была поистине чудовищной.

— Димитрий... — прохрипел он. Голос его был похож на скрежет двух камней друг о друга. Голосовые связки явно были повреждены. — Ты пришел... Я знал, что ты придешь.

Он закашлялся, и на его подбородок упала капля темной крови.

Я продолжал стоять молча, изучая его. Внутри меня было пусто. Я ожидал вспышки гнева, желания ударить его, но вместо этого чувствовал лишь ледяной холод. Мои ментальные барьеры работали. Я смотрел на него не как на бывшего друга, а как на объект исследования. На заразное животное.

— Как тебе гостеприимство Инквизиции? — спокойно, без единой эмоции в голосе спросил я. — Выглядишь неважно, Метиас. Думаю отсутствие головы пойдет тебе больше.

Метиас снова попытался засмеяться, но смех перешел в булькающий кашель. Цепи на его руках слабо звякнули.

— Казнь... — прохрипел он, облизывая окровавленные губы. — Глупцы. Слепые, жалкие глупцы.

Он с усилием подался вперед, насколько позволяли кандалы. В его мутных глазах внезапно вспыхнул тот самый фанатичный, нездоровый огонь, который я видел в подземелье.

— Они так старались, Димитрий, — зашептал он, и в его голосе послышалось откровенное издевательство. — Они ломали мне кости. Они сдирали с меня кожу. Они залезали мне в мозг своими грязными инквизиторскими пальцами, пытаясь найти имена, пароли, явки. Они думают, что я — угроза.

Он откинулся на спинку железного стула и тяжело задышал.

— Но настоящая угроза — это ты, Димитрий.

Я чуть прищурился.

— Ты сошел с ума от боли, Метиас. Ты — сектант, поклоняющийся мертвому богу, запертому в солнце. Твое время вышло.

— Мертвый бог? — прошипел эльф, и его лицо исказила гримаса злобы. — Боги, которым молятся эти идиоты из Инквизиции, — вот кто настоящие паразиты! Они украли этот мир! Они заперли Истинное Пламя, потому что боялись его очищающей силы. Они пожертвовали собой, стали калеками, только чтобы удержать Его. Но их Клетка гниет, Димитрий. Она гниет так же, как гниет этот проклятый мир!

Его голос сорвался на визг.

— А ты... ты — трещина в этой Клетке! Ты — парадокс, который не должен существовать! Созидание и Разрушение в одном сосуде!

Я почувствовал, как зеленоватая трещина Скверны в моем разуме дернулась, откликаясь на его слова. Тьма внутри меня потянулась к нему, узнавая голос верного слуги. Я мгновенно уплотнил ментальный барьер, вспоминая руны Иоганна, загоняя Тьму обратно. Я не позволю ей контролировать меня.

— Ты убил Мерелиану, — произнес я, и мой голос прозвучал как удар хлыста, резко обрывая его фанатичный бред. — Зачем? Она верила тебе. Мы все тебе верили.

Имя эльфийки повисло в спертom воздухе камеры. Метиас замер. На секунду мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то человеческое, какое-то подобие вины. Но это длилось лишь мгновение. Фанатизм быстро поглотил все остальные чувства.

— Она была слабой, — выплюнул он с презрением. — Она была привязана к тебе. Ее кровь была необходима для ритуала. Жертва, чтобы расшатать твои барьеры. Что бы окончательно сломать тебя, мой глупый, наивный товарищ.

Гнев, горячий и первобытный, все-таки пробил мою защиту. Мои кулаки сжались сами собой. Я сделал шаг к нему, чувствуя непреодолимое желание сомкнуть пальцы на его сломанной шее и выдавить из него остатки жизни.

Метиас увидел это. И улыбнулся. Широко, безумно, заливая подбородок кровью.

— Да! — прохрипел он с восторгом. — Давай! Выпусти это! Я вижу, как пламя Неопалимого рвется из тебя! Убей меня! Стань тем, кем должен быть! Стань Его Вратами!

Я остановился в метре от него. У меня перехватило дыхание. Я увидел в его глазах отражение скверны. Он хотел, чтобы я потерял контроль. Он хотел, чтобы я убил его, потому что это стало бы его победой. Убийство беззащитного пленника в приступе ярости ослабило бы мою душу, расширило бы трещину. Скверне нужен был этот эмоциональный взрыв.

Я заставил себя остановиться. Медленно, с огромным усилием воли разжал кулаки. Вдох. Выдох. Контур Иоганна. Изоляция. Холодный рассудок.

— Нет, Метиас, — произнес я, и мой голос снова стал ровным и холодным. — Ты не получишь этого удовольствия. Я не стану палачом ради твоего мертвого бога.

Улыбка сползла с его лица. В его глазах появилось разочарование, смешанное с непониманием.

— Завтра тебя выведут на площадь, — продолжил я, глядя на него сверху вниз. — Толпа будет плевать в тебя и кидать камни. Палач сломает тебе ноги, а затем Инквизитор зачитает приговор. И ты сгоришь. Не в очищающем пламени твоего хозяина, а на обычном костре, как жалкий преступник. И твое имя забудут.

Я развернулся, чтобы уйти. Мне больше не о чем было с ним говорить. Я увидел все, что хотел. Чудовище было повержено, но оно так и осталось чудовищем.

— Думаешь, это конец? — крикнул он мне вслед. Его голос снова сорвался на хрип. — Казнь ничего не изменит! Культ повсюду! В столице, в Академии, среди тех, кому ты доверяешь!

Я взялся за холодную железную ручку двери.

— Они ждут тебя, Димитрий! — визжал Метиас, гремя цепями в бессильной ярости. — Они знают, что ты — Ключ! Казнь — это только начало! Столица обAGRится кровью! Неопалимый придет за тобой!

Я толкнул дверь и вышел в коридор, захлопнув ее за собой. Визг Метиаса мгновенно оборвался, заглушенный толстым слоем железа и звукоизолирующими рунами.

В коридоре было тихо. Элирия стояла у стены и с тревогой смотрела на меня.

— Ты в порядке? — тихо спросила она.

— Я... я... его там больше нет, — я почувствовал, как по щекам потекли слезы. То, что терзало меня все это время, наконец вырвалось наружу. — Метиаса, Мерелианы... никого из них больше нет.

Напряжение, паранойя, жгучая, разъедающая изнутри ненависть и невыносимая боль от предательства — все это вдруг прорвалось наружу. Мои хваленые ментальные барьеры, изолирующие контуры, которые я так старательно выстраивал в своем сознании, рухнули в одно мгновение, не выдержав напора простой человеческой скорби.

Я прислонился спиной к холодной каменной стене и закрыл лицо руками, содрогаясь от беззвучных рыданий. Я плакал не по тому изуродованному чудовищу-фанатику, которое сейчас гремело цепями за железной дверью. Я плакал по своему первому другу в этом чужом, жестоком мире. По тому Метиасу, который улыбался мне в столовой, делился знаниями и помогал освоиться, когда я был совсем один. Я оплакивал иллюзию, которая поддерживала меня в первые дни. И я оплакивал Мерелиану, чья невинная жизнь стала платой за этот чудовищный обман.

Трещина Скверны в моем подсознании, которая всегда подпитывалась моим гневом и злобой, внезапно сжалась и отступила. Этим слезам было не за что зацепиться. В них не было темной ненависти — только горькое, очищающее сожаление и окончательное принятие утраты.

Я почувствовал, как меня обняли теплые, мягкие руки. Элирия шагнула вперед и прижала мою голову к своему плечу, бережно коснувшись моих волос. Она ничего не говорила, не пыталась успокоить меня пустыми словами или пристыдить за слабость. Бывшая глава Инквизиции, видевшая сотни смертей и сломленных судеб, просто стояла рядом, позволяя мне выплеснуть всю эту боль. От ее кожаного плаща пахло сталью и едва уловимым ароматом луговых трав.

— Плачь, Димитрий, — едва слышно прошептала она. — Это делает тебя живым. Не позволяй этому месту и этим тварям вытравить из тебя душу.

Я простоял так несколько минут, цепляясь за ее плечо, как утопающий за спасательный круг. Постепенно крупная дрожь утихла. Дыхание выровнялось. Выплакав эти слезы, я вдруг ощутил невероятную звенящую легкость — словно вытащил из груди застрявший там ржавый отравленный клинок. Рана все еще невыносимо болела, но яда в ней больше не было.

Я медленно отстранился, вытирая мокрое лицо рукавом сюртука.

— Простите, — хрипло произнес я, не поднимая на нее глаз. — Я не должен был...

— Ты никому ничего не должен, — мягко, но твердо перебила Элирия. — Ты пережил то, что сломило бы многих опытных боевых магов. Ты имеешь право на эту слабость. Но теперь... теперь ты должен собраться. Нам предстоит много работы.

Она достала из кармана чистый льняной платок и протянула мне. Я с благодарностью принял его.

— Он еще что-то сказал? — спросила она уже своим привычным, собранным и деловым тоном, возвращая нас к суровой реальности. — В конце он сорвался на крик.

Я кивнул, окончательно взяв себя в руки. В голове снова прояснилось, но теперь это была не холодная, мертвая пустота, а кристальная сосредоточенность.

— Да. Он бредил своим богом, провоцировал меня, хотел, чтобы я убил его прямо там, в камере, и выпустил Тьму... — я сглотнул, вспоминая безумный взгляд эльфа. — Но перед тем, как я ушел, он выкрикнул что-то важное. Сказал, что казнь ничего не изменит. Что культ повсюду — в столице, в Академии, среди тех, кому мы доверяем.

Элирия напряглась, ее пронзительные сиреневые глаза сузились.

— И самое главное, — продолжил я, глядя ей прямо в глаза. — Он сказал, что казнь — это только начало. Что завтра столица будет залита кровью.

В сумрачном коридоре повисла тяжелая, гнетущая тишина. Элирия медленно перевела взгляд на железную дверь камеры, за которой в кандалах сидел Метиас.

— Теракт во время показательной казни, — прошептала она, и в ее голосе прозвучало мрачное, леденящее душу осознание. — Тысячи людей на главной площади. Вся знать. Верхушка Церкви. Если культ нанесет удар там... это будет бойня, какой королевство не видело со времен магических войн.

— Вы сможете предупредить Трибунал? Усилить охрану конвоя? Отменить публичную часть? — спросил я, чувствуя, как внутри снова нарастает тревога.

Она горько и безрадостно усмехнулась.

— Трибунал меня не слушает. Для них я — списанный со счетов командир, утративший доверие, который лезет не в свое дело. Они слишком ослеплены своей скорой политической победой и желанием выслужиться перед короной. Они сочтут слова сломленного пленника жалким блефом и попыткой отсрочить неизбежное.

Элирия резко развернулась и пошла по коридору к выходу. Я поспешил за ней.

— Мы не сможем остановить саму казнь, — бросила она на ходу. — Но я могу связаться со своими людьми в столице. С теми инквизиторами, которые еще верны своим клятвам, а не политикам в рясах. Мы подготовимся.

Мы поднялись по узкой лестнице и вышли из казематов, покинув тяжелое, давящее анти-магическое поле. Ночной воздух показался мне спасительным эликсиром. Мой источник мгновенно раскрылся, жадно впитывая рассеянную ману, и я с удивлением понял, что внутренний конфликт немного утих. Слезы не сделали меня слабее — они очистили меня от скверны застарелой ненависти, которая блокировала мою силу.

— Димитрий, — Элирия остановилась на перекрестке аллеи и повернулась ко мне. Ее лицо было непривычно строгим. — Культ знает, кто ты. Метиас знает, что ты — Ключ. Если завтра в Керне начнется резня, следующей целью станешь ты. Неопалимому нужны его Врата.

— Я понимаю, — твердо ответил я.

— Твоя главная задача сейчас — выжить, — она крепко сжала мое плечо. — Не лезь в политику Инквизиции. Завтра оставайся в общежитии или на охраняемом полигоне «Альфы». Никаких вылазок за пределы Академии. И разберись со своим источником. Ты должен быть готов ко всему.

— Я буду готов, — пообещал я, и на этот раз мои слова не были пустой бравадой.

Мы расстались. Элирия, словно призрак, растворилась в ночной тьме, спеша поднять по тревоге своих тайных союзников, а я медленно направился к мужскому общежитию.

Восток начал неумолимо сереть. Наступал тот самый день, который должен был стать последним для Метиаса и, возможно, для многих других жителей столицы.

Я вошел в свою комнату и, не зажигая магических светильников, подошел к окну. Огромная Кертания спала, не подозревая о надвигающейся буре.

Я закрыл глаза и погрузился в свой внутренний мир. Туда, где в абсолютной пустоте возвышалось огромное Древо моей души. Я смотрел на гниль Скверны, ползущую по его коре, на зеленую трещину, из которой ядовитыми испарениями сочилась Тьма Неопалимого. Но

теперь я смотрел на нее без первобытного страха и слепой ярости. Я смотрел на нее так, как хирург смотрит на смертельную опухоль.

Я вспомнил древние, безжалостные руны Иллидиана. Священное пламя, способное выжечь Скверну дотла. Я вспомнил холодные, математически выверенные контуры Архимага Иоганна, способные изолировать эту разрушительную силу.

И я начал мысленно возводить вокруг трещины первый барьер. Не из холодной мстительной ненависти, а из чистого, непреклонного желания защитить то светлое, что еще осталось в этом мире.

Я выжгу эту заразу. И я не позволю чудовищам больше разрушать мою жизнь. Рассвет обещал новую битву, и я собирался встретить ее во всеоружии.

Интерлюдия. Метиас

Кап... кап...

Вода стекает на каменный пол. Или это моя кровь? Какая разница. Боли больше нет. Инквизиторы думали, что смогут меня сломить. Они дробили мне пальцы, сдирали кожу лопатами, засовывали раскаленное железо в раны. Они искали ответы в куске мяса.

Но я давно перестал быть просто мясом. Я — Пустота.

Там, в груди, где раньше пела и переливалась мана, теперь зияет черная выжженная дыра. Мой милый друг Димитрий постарался на славу. Он выжег мой источник дотла. Инквизиторы думают, что это делает меня слабым. Но они слепы. Очищенный сосуд — идеальный сосуд.

Тяжелый лязг металла. Скрип замка. Шаги.

Я с трудом поднимаю голову. Шейные позвонки хрустят. Левый глаз залит гноем, но правым я его вижу. Ключ пришел ко мне.

Он стоит передо мной. Чистенький. Правильный. С холодным, отстраненным лицом. Пытается казаться судьей, смотрящим на заразное животное. Но я вижу глубже. Не физическим зрением — я вижу саму его суть.

Сквозь его напускное спокойствие я слышу, как внутри него воет Бездна. В его подсознании пульсирует зеленоватая ядовитая трещина. Тьма Неопалимого тянется ко мне сквозь его ребра, приветствуя своего верного слугу.

Я пытаюсь ему улыбнуться. Губы трескаются, и в рот течет теплая, ржавая на вкус кровь. Связки разорваны пытками, слова превращаются в булькающий скрежет камней.

Он говорит что-то о казни. О том, что я просто кусок мяса.

Пустой звук. Я чувствую только его скрытый страх. Он боится самого себя. Боится того, что таится в его разуме.

Его нужно подтолкнуть. Раскачать маятник. Заставить эту проклятую Клетку лопнуть!

Я выплевываю слова вместе со сгустками крови. Я говорю ему правду о ложных богах, о гниющем мире. Я вижу, как каменеет его лицо. Он держится. Сопrotивляется.

Тогда я бью в самое уязвимое место.

Мерелиана.

Ее имя падает в спертый воздух камеры, как искра на сухой порох. Я говорю ему, что она была просто жертвой. Свиной на алтаре, чья кровь была нужна лишь для того, чтобы расшатать его барьеры.

И это срабатывает! Я вижу это!

Его рациональная оболочка с треском лопается. В глазах вспыхивает первобытная, слепая ярость. Кулаки сжимаются так, что белеют костяшки. Он делает шаг ко мне. Тьма внутри него ликует, распахивая трещину шире.

— Да! — хриплю я, захлебываясь собственным безумным восторгом. — Убей меня! Выпусти это!

Давай же! Сомкни пальцы на моем горле! Раздави мой кадык! Убей беззащитного, скованного пленника в порыве ненависти! Если он сделает это — его жалкий Свет умрет. Акт чистого убийства из ненависти окончательно разрушит его барьеры. И Неопалимый получит свои Врата!

Мое тело дрожит в экстазе. Я готов. Я хочу стать той ступенью, по которой Неопалимый войдет в этот мир.

Но... что-то происходит.

Его шаг замирает. Ярость, только что кипевшая в его глазах, внезапно застывает, скованная льдом. Он делает медленный вдох. И я с ужасом вижу, как зеленое свечение Скверны

внутри него тускнеет, оттесняемое холодным, неестественным контуром чужой магии. Руны. Порядок. Он строит стены прямо в своем разуме!

Мой триумф рассыпается пеплом.

Он говорит ровно. Холодно. Как мертвец. Говорит, что я сгорю на обычном костре, как преступник. И мое имя забудут.

Он отворачивается. Берется за ручку двери.

Нет! Нет, ты не смеешь уходить! Ты — Ключ! Ты должен открыться!

Я рвусь вперед, не чувствуя, как метеоритная сталь браслетов сдирает мясо с моих костей. Я визжу. Мое порванное горло извергает кровавую пену. Я кричу ему в спину о столице, о крови, о Пламени, которое уже не остановить! Керн умоеся кровью!

Тяжелая железная дверь с грохотом захлопывается. Звукоизолирующие руны мгновенно отсекают мой визг.

Абсолютная тишина. И темнота.

Я снова один. Сломленный, пустой кусок изрезанного мяса, прикованный к стулу в луже собственной мочи и крови. Моя грудь тяжело вздымается. Боль возвращается, разрывая тело на части.

Но из моего разорванного рта вырывается тихий, булькающий смех. Он думает, что победил. Он думает, что спрятался за своими стенами.

Глупец. Трещина уже есть. И скоро... очень скоро... Врата откроются. А пустой сосуд готов наполниться.

Время потеряло смысл. Часы слились в один бесконечный, пульсирующий ком боли.

Меня куда-то тащили. Я помню грубые руки инквизиторов, лязг новых цепей, слепящий свет рассветного солнца, резанувший по воспаленным глазам. А затем — глухой, ритмичный стук колес.

Тряска. Скрежет. Бронированная тюремная карета подпрыгивала на ухабах тракта, и каждый толчок отдавался в переломанных ребрах влажным хрустом. Метеоритная сталь кандалов, намертво сковывающая мои запястья и лодыжки, была ледяной. Она должна была пить мою ману, вытягивать её по капле, заставляя корчиться в муках истощения.

Но пить было нечего. Димитрий оставил лишь черный, обугленный кратер. Инквизиторы, сидящие напротив меня в глухой броне, не понимали этого. Они сжимали свои тяжелые алебарды и смотрели на меня с безразличным отвращением. Смотрели как на сломленное, жалкое животное, которое везут на убой.

Они не видели. Никто из них не видел.

Я попытался засмеяться, но из изуродованного горла вырвался лишь мокрый, булькающий клеткот. Из разбитых губ на грязные лохмотья вытекла густая темная слюна. Один из надзирателей безразлично поморщился и перехватил оружие, готовясь ударить меня древком по лицу, чтобы заткнуть.

Вдруг мир перевернулся.

Оглушительный грохот разорвал барабанные перепонки. Толстая железная стенка кареты с визгом выгнулась внутрь, мгновенно раскалившись добела. Карету подбросило в воздух, как пушинку, и швырнуло на бок. Меня с силой впечатало в потолок, цепи мучительно вывернули суставы, разрывая связки.

— Засада! Защит... — истошный вопль снаружи оборвался, сменившись чавкающим, влажным хрустом.

Воздух в тесной камере мгновенно наполнился едким запахом озона, кипящей крови и святого, очищающего пепла. В узкое зарешеченное оконце ударило неестественное, болезненно-зеленое пламя. Пламя Неопалимого.

Один инквизитор попытался встать, путаясь в собственной помятой броне, но тяжелую дверь вырвало с корнем. В проем метнулась гибкая тень. Вспышка изогнутого лезвия. Голова

инквизитора с глухим стуком упала на рифленый пол прямо перед моим лицом. Его глаза всё ещё удивлённо моргали, а из обрубка шеи фонтаном хлестала кровь, заливая мне щеки горячим липким потоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.